UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00322842 6

Bryusov, Valerii Yakovlevich
"

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ

Polnoe sobranie sochinenii i perevodov

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ И ПЕРЕВОДОВЪ

т. 2

Томъ II

Tertia Vigilia

(Стихи 1897—1901 г.)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Издательство „Сиринъ"
1914

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ

ТОМЪ II

PRINTED IN RUSSIA

PG3453
.B7
1913

427716
32

LIBRARY OF CONGRESS
SLAVIC SECTION

Типографія М. М. Стасюлевича,
СПБ. Вас. остр., 5 лин., д. 28.

ПРЕДИСЛОВІЕ

ПРЕДИСЛОВІЕ КО II ТОМУ.

II томъ моего „Собранія сочиненій" весь занятъ третьимъ сборникомъ моихъ стиховъ „Tertia Vigilia". Первое изданіе этого сборника появилось въ 1900 г.; второе—было включено въ собраніе „Пути и Перепутья" (1908 г.) Какъ всѣ сборники моихъ стиховъ, книга „Tertia Vigilia" была задумана именно какъ книга, какъ нѣкоторое цѣлое, въ которомъ отдѣльныя стихотворенія, объединенныя въ группы, какъ бы въ главы, составляютъ лишь звенья одной цѣпи. Эти стихотворенія писались, конечно, подъ разными впечатлѣніями и подъ разнородными вліяніями, но все же я постоянно старался не терять изъ виду общаго плана книги. Однако, готовя первое изданіе книги, я многіе стихи, написанные именно для нея, не включилъ въ собраніе, по причинамъ, имѣвшимъ въ свое время для меня значеніе, но теперь его утратившимъ. При второмъ изданіи, къ первоначальному собранію могли быть прибавлены лишь немногія стихотворенія (преимущественно, написанныя послѣ 1900 г.), а многія, напротивъ, были исключены, такъ какъ въ „Путяхъ и Перепутьяхъ" я хотѣлъ дать читателямъ общія черты сдѣланнаго мною, какъ поэтомъ, а не собрать все, написанное мною въ стихахъ. Такимъ образомъ лишь въ этомъ, третьемъ, изданіи „Tertia Vigilia" появляется, наконецъ, въ своемъ полномъ объемѣ,—такъ, какъ она была задумана и осуществлена. Всѣ стихи, вновь включаемые въ этотъ сборникъ, были написаны мною также въ годы между 1897 и 1901. Только нѣкоторыя из-

мѣненія въ стихахъ (поправки) относятся къ болѣе позднему времени: большинство—къ 1901 г. (т.-е. ко времени появленія 1 изданія), нѣкоторыя—къ 1906 г. (когда мною подготовлялось 2 изданіе); всѣ эти измѣненія уже были сдѣланы во 2 изданіи, т.-е. въ собраніи „Пути и Перепутья". Въ „Приложеніи" я счелъ возможнымъ помѣстить отрывки трехъ лирическихъ поэмъ, которыя, по первоначальному плану, также должны были входить въ сборникъ „Tertia Vigilia", но не были мною закончены.

Согласно съ планомъ, принятымъ въ I томѣ этого собранія, въ „Примѣчаніяхъ" приводится первоначальное чтеніе стиховъ, позднѣе мною измѣненныхъ, и даются указанія библіографическія. Всего въ этотъ томъ вошло свыше 60 стихотвореній, которыя не были включены въ собраніе „Пути и Перепутья", въ томъ числѣ 35, появляющихся въ печати въ первый разъ.

Валерій Брюсовъ.

TERTIA VIGILIA

ТРЕТЬЯ КНИГА СТИХОВЪ

1898—1901

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ

ПАМЯТИ

ИВАНА КОНЕВСКОГО И ГЕОРГА БАХМАНА,

двухъ ушедшихъ.

ВОЗВРАЩЕНІЕ.

I.

ВОЗВРАЩЕНІЕ.

Я убѣжалъ отъ пышныхъ брашенъ,
Отъ плясокъ сладострастныхъ дѣвъ,
Туда, гдѣ міръ унылъ и страшенъ;
Тамъ жилъ, прельщенія презрѣвъ.

Бродилъ, свободный, одичалый,
Таился въ норахъ давней мглы;
Меня привѣтствовали скалы,
Со мной сосѣдили орлы.

Мои прозрѣнья были дики,
Мой каждый день запечатлѣнъ;
Крылато-радостные лики
Глядѣли съ довременныхъ стѣнъ.

—

И много зимъ я былъ въ пустынѣ,
Покорно преданный Мечтѣ...
Но былъ мнѣ гласъ. И снова нынѣ
Я — въ шумѣ словъ, я — въ суетѣ.

Надѣлъ я прежнюю порфиру,
Умастилъ миромъ волоса.
Едва предсталъ я, гордый, пиру,
„Ты царь!“ — рѣшили голоса.

Среди царицъ веселой пляски
Я вольно предъизбралъ одну:
Да обрѣту въ желаньи ласки
Свою безвольную весну!

И ты, о, мой цвѣтокъ долинный,
Какъ стебель повлеклась ко мнѣ.
Тебя плѣнилъ я сказкой длинной...
Ты — на яву, и ты — во снѣ.

Но если, страстный, въ мигъ завѣтный,
Заслышу я мой трубный звукъ,
— Воспряну! кину кличъ отвѣтный
И вырвусь изъ стѣсненныхъ рукъ!

1900.

II.

— Я. —

Мой духъ не изнемогъ во мглѣ противорѣчій,
Не обезсилѣлъ умъ въ сцѣпленьяхъ роковыхъ.
Я всѣ мечты люблю, мнѣ дороги всѣ рѣчи,
И всѣмъ богамъ я посвящаю стихъ.

Я возносилъ мольбы Астартѣ и Гекатѣ,
Какъ жрецъ, стотельчихъ жертвъ самъ проливалъ я кровь,
И послѣ подходилъ къ подножіямъ распятій
И славилъ сильную, какъ смерть, любовь.

Я посѣщалъ сады Ликеевъ, Академій,
На воскѣ отмѣчалъ реченья мудрецовъ;
Какъ вѣрный ученикъ, я былъ ласкаемъ всѣми,
Но самъ любилъ лишь сочетанья словъ.

На островѣ Мечты, гдѣ статуи, гдѣ пѣсни,
Я изслѣдилъ пути въ огняхъ и безъ огней,
То поклонялся тѣмъ, что ярче, что тѣлеснѣй,
То трепеталъ въ предчувствіи тѣней.

И странно полюбилъ я мглу противорѣчій,
И жадно сталъ искать сплетеній роковыхъ.
Мнѣ сладки всѣ мечты, мнѣ дороги всѣ рѣчи,
И всѣмъ богамъ я посвящаю стихъ...

1899.

III.

Ребенкомъ я, не зная страху,
Хоть вечеръ былъ и шла метель,
Блуждалъ въ лѣсу, и встрѣтилъ пряху,
И полюбилъ ея кудель.

И было мнѣ такъ сладко въ дѣтствѣ
Слѣдить мелькающую нить,
И много странныхъ соотвѣтствій
Съ мечтами въ краскахъ находить.

То нить казалась бѣлой, чистой;
То вдругъ, подъ медленной луной,
Блистала тканью серебристой;
Потомъ слилась со мглой ночной.

И нынѣ я на третьей стражѣ.
Востокъ означился, горя,
И заливаетъ нити пряжи
Кровавымъ отблескомъ заря!

1901.

ЛЮБИМЦЫ ВѢКОВЪ.

I.

АССАРГАДОНЪ.

Ассирійская надпись.

Я—вождь земныхъ царей и царь, Ассаргадонъ.
Владыки и вожди, вамъ говорю я: горе!
Едва я принялъ власть, на насъ возсталъ Сидонъ.
Сидонъ я ниспровергъ, и камни бросилъ въ море.

Египту рѣчь моя звучала, какъ законъ,
Эламъ читалъ судьбу въ моемъ единомъ взорѣ,
Я на костяхъ враговъ воздвигъ свой мощный тронъ.
Владыки и вожди, вамъ говорю я: горе!

Кто превзойдетъ меня? кто будетъ равенъ мнѣ?
Дѣянья всѣхъ людей — какъ тѣнь въ безумномъ снѣ,
Мечта о подвигахъ — какъ дѣтская забава.

Я исчерпалъ до дна тебя, земная слава!
И вотъ стою одинъ, величьемъ упоенъ,
Я, вождь земныхъ царей и царь — Ассаргадонъ.

1897.

II.

ХАЛДЕЙСКІЙ ПАСТУХЪ.

Отторженъ отъ тебя безмолвіемъ столѣтій,
Сегодня о тебѣ мечтаю я, мой другъ!
Я вижу ночь и холмъ, нагую степь вокругъ,
Торжественную ночь при тихомъ звѣздномъ свѣтѣ.

Ты жадно смотришь въ даль; ты съ вышины холма
За звѣздами слѣдишь, ихъ узнаешь и числишь,
Предвидишь ихъ круги, склоненія... Ты мыслишь,
И таинства міровъ яснѣютъ для ума.

Божественный пастухъ! среди тиши и мрака
Ты слышалъ имена, ты видѣлъ горній свѣтъ:
Ты первый начерталъ пути своихъ планетъ,
Нашелъ названія для знаковъ Зодіака.

И пусть безлюдіе, нагая степь вокругъ;
Въ ту ночь извѣдалъ ты все счастье дерзновенья,
И въ этой радости дай слиться на мгновенье
Съ тобой, о, искренній, о, неизвѣстный другъ!

1898.

III.

РАМСЕСЪ.

Отрывокъ.

По бездорожьямъ царственной пустыни,
Изнемогая жаждой, я блуждалъ.
Лежалъ песокъ, за валомъ валъ,
Сіяли небеса, безжалостны и сини...
Межъ небомъ и землей я былъ такъ малъ.

И, встрѣтивъ памятникъ, въ пескахъ забытый,
Повергся я на каменный помостъ.
Палили тѣло пламенныя плиты,
И съ неба падалъ дождь огнистыхъ звѣздъ.
Но въ полумглѣ томительнаго бреда
Нащупалъ надпись я на камняхъ тѣхъ:

— Черты, круги, людскіе лики, грифы —
Я разбиралъ, дрожа, гіероглифы:
„Мнѣ о забвеньи говорятъ, — о, смѣхъ!
Вѣкамъ вѣщаютъ обо мнѣ побѣды!“

И я смѣялся смыслу знаковъ тѣхъ
Въ невѣрной мглѣ томительнаго бреда.

— Кто ты, воитель дерзкій? духъ тревожный?
Ты — Озимандія? Ассаргадонъ? Рамсесъ?
Тебя не знаю я, твои вѣщанья ложны!
Жильцы пустынь, мы всѣ равно ничтожны
Въ вѣкахъ земли и въ вѣчности небесъ.

И всталъ тогда передо мной Рамсесъ.

. . . . . .

1899.

ЖРЕЦЪ ИЗИДЫ.

Я — жрецъ Изиды Свѣтлокудрой;
Я былъ воспитанъ въ храмѣ Фта,
И далъ народъ мнѣ имя „Мудрый“,
За то, что жизнь моя чиста.

Уста не осквернялъ я ложью,
Корыстью не прельщался я,
И къ женской груди, съ страстной дрожью,
Не припадала грудь моя;

Давалъ я щедро подаянье
Всѣмъ, обращавшимся ко мнѣ...
Но есть въ душѣ воспоминанье,
Какъ змѣй лежащее на днѣ.

Свершалъ я путь годичный въ Ѳивы...
На палубѣ я утра ждалъ...
Чуть Нилъ влачилъ свои разливы;
Смѣялся вдалекѣ шакалъ.

И женщина, въ одеждѣ бѣлой,
Пришла на пристань, близъ кормы,
И стала, трепетно-несмѣло,
Тамъ, предъ порогомъ водной тьмы.

Дрожалъ корабль нашъ, мертвый, сонный,
Громадой черной передъ ней,
А я скрывался потаенно
Межъ бревенъ, веселъ и снастей.

И, словно въ жаждѣ утѣшенья,
Та, въ бѣломъ женщина, ждала,
И медлила свершить рѣшенье...
Но дрогнула предъ утромъ мгла...

Въ моей душѣ все было смутно,
Хотѣлъ я крикнуть, — и не могъ...
Но вдругъ повѣялъ вѣтръ попутный,
И кормщикъ затрубилъ въ свой рогъ.

Всѣ пробудились, зашумѣли,
Вознесся якорь съ быстротой,
Канаты радостно запѣли, —
Но пристань видѣлъ я — пустой!

И мы пошли, качаясь плавно,
И быстро все свѣтлѣло вкругъ, —
Но мнѣ казалось, будто явно
Въ водѣ распространялся кругъ...

Я — жрецъ Изиды Свѣтлокудрой;
Я былъ воспитанъ въ храмѣ Фта,
И далъ народъ мнѣ имя „Мудрый",
За то, что жизнь моя чиста!

1900.

V.

ПСИХЕЯ.

Что̀ чувствовала ты, Психея, въ оный день,
Когда Эротъ тебя, подъ именемъ супруги,
Привелъ на пиръ боговъ подъ неземную сѣнь?
Что̀ чувствовала ты въ ихъ олимпійскомъ кругѣ?

И вся любовь того, кто надъ любовью богъ,
Могла ли облегчить чуть видныя обиды:
Ареса дерзкій взоръ, царицы злобный вздохъ,
Шушуканье богинь и злой привѣтъ Киприды!

И на пиру боговъ, подъ ихъ безстыдный смѣхъ,
Гдѣ выше власти всѣ, всѣ — боги да богини,
Не вспоминала ль ты о дняхъ земныхъ утѣхъ,
Гдѣ есть печаль и стыдъ, гдѣ вѣра есть въ святыни!

1898.

VI.

ЦИРЦЕЯ.

Я — Цирцея, царица; мнѣ заклятья знакомы;
Я владычица духовъ и воды и огня.
Ихъ восторгомъ упиться я могу до истомы,
Я могу приказать имъ обезсилить меня.

Въ полуснѣ сладострастья ослабляю я чары:
Разрастаются дико силы водъ и огней.
Словно шумъ водопадовъ, словно встали пожары, —
И туманятъ, и ранятъ, все больнѣй, все страшнѣй.

И такъ сладко въ безсильи неземныхъ содроганій,
Испивая до капли изступленную страсть,
Сохранять свою волю на отмѣченной грани,
И надъ дерзостной силой сохранять свою власть.

1899.

VII.

КАССАНДРА.

Пророчица Кассандра!—тѣнь твоя
На берегахъ благословенной Леты
Не вѣдаетъ утѣхъ небытія,
И здѣсь твои мечты забвеніемъ не согрѣты.

Твой духъ живетъ видѣніемъ лучшихъ дней,
Ты мыслью тамъ, близъ Иды, у Скамандра,
Въ Аидѣ ищешь ты родныхъ тѣней,
О прошломъ имъ твердишь, пророчица Кассандра!

Но влага Леты упоила ихъ,
И подвиги напоминать имъ тщетно.
Безъ эхо гаснетъ голосъ словъ твоихъ,
Ты плачешь—все молчитъ, зовешь—и безотвѣтна!

1898.

VIII.

МОИСЕЙ.

Я къ людямъ шелъ назадъ съ таинственныхъ высотъ,
Великія слова въ мечтахъ моихъ звучали.
Я вѣрилъ, что толпа надѣется и ждетъ...
Они, забывъ меня, вокругъ тельца плясали.

Смотря на этотъ пиръ, я понялъ ихъ,—и вотъ
О камни я разбилъ ненужныя скрижали,
И проклялъ навсегда Твой избранный народъ.
Но не было въ душѣ ни гнѣва, ни печали.

А Ты, о Господи, Ты повелѣлъ мнѣ вновь
Скрижали истесать. Ты для толпы преступной
Оставилъ свой законъ. Да будетъ такъ. Любовь

Не смѣю осуждать. Но мнѣ,—мнѣ недоступна
Она. Какъ ты сказалъ, такъ я исполню все,
Но вѣчно, какъ любовь,—презрѣніе мое.

1898.

IX.

АЛЕКСАНДРЪ ВЕЛИКІЙ.

Неустанное стремленье отъ судьбы къ иной судьбѣ,
Александръ Завоеватель, я—дрожа—молюсь тебѣ.

Но не въ часъ ужасныхъ боевъ, возлѣ древнихъ Гавгамелъ,
Ты мечтой, въ ряду героевъ, безъисходно овладѣлъ.

Я люблю тебя, Великій, въ часъ иного торжества.
Были буйственные клики, ропотъ противъ божества.

И къ войскамъ ты сталъ, какъ солнце; ослѣпилъ ихъ грозный взглядъ,
И безвольно Македонцы вдругъ отпрянули назадъ.

Ты воззвалъ къ нимъ: „Вы забыли, кѣмъ вы были, что̀ теперь!
Какъ стада въ поляхъ бродили, въ чащу прятались, какъ звѣрь.

Создана отцомъ фаланга, вашу мощь открылъ вамъ онъ;
Вы со мной прошли до Ганга, въ Сарды, въ Сузы, въ Вавилонъ.

Или мните: государемъ сталъ я милостью мечей?
Мнѣ державство отдалъ Дарій! скипетръ мой, иль онъ ничей!

Уходите! путь открытый! размечите бранный станъ!
Дома дѣтямъ разскажите о красотахъ дальнихъ странъ,

Какъ мы шли въ горахъ Кавказа, про пустыни, про моря...
Но припомните въ разсказахъ, гдѣ вы кинули царя!

Уходите! ждите славы! Но—Аммона вѣчный сынъ—
Здѣсь, по царственному праву, я останусь и одинъ."

Отъ куреній залы пьяны, дышатъ золото и шелкъ.
Въ ласкахъ трепетной Роксаны гнѣвъ стихаетъ и умолкъ.

Царь семнадцати сатрапій, царь Египта двухъ коронъ,
На тебя—со скиптромъ въ лапѣ—со стѣны глядитъ Аммонъ.

Стихли толпы, колесницы, на равнину палъ туманъ...
Но, едва зажглась денница, взволновался шумный станъ.

Въ полѣ стонъ необычайный, молятъ, падаютъ во прахъ...
Не вздохнулъ ли, Гордый, тайно о своихъ ночныхъ мечтахъ?

О, завѣтное стремленье отъ судьбы къ иной судьбѣ,
Въ часъ сомнѣнія и томленья я опять молюсь тебѣ!

1899.

X.

ЛАМІЯ.

Въ дни весеннихъ новолуній
Приходи, желанный другъ!
На горѣ ночныхъ колдуній
Соберется тайный кругъ.

Вѣрны сладостной Гекатѣ,
Мы сойдемся у костра.
Если жаждешь ты объятій,
Будешь съ нами до утра.

Всѣхъ красивѣй я изъ ламій!
Грудь—бѣла, а губы—кровь.
Я вопьюсь въ тебя губами,
Перелью въ тебя любовь.

Косы брошу я, какъ тучу,
— Ароматомъ ихъ ты пьянъ,—
Оплету, сдавлю, измучу,
Унесу, какъ ураганъ.

А потомъ замру, застыну,
Буду, словно теплый трупъ,
Члены въ слабости раскину,
Яства пышныя для губъ.

Въ этихъ смѣнахъ наслажденій
Будемъ биться до утра.
Утромъ сгинемъ мы, какъ тѣни,
Ты очнешься у костра.

Будешь ты одинъ, безсильный...
Милый, близкій! жаль тебя!
Я гублю, какъ духъ могильный,
Убиваю я, любя.

Подчинись рѣшенной платѣ:
Жизнь за ласку, милый другъ!
Вѣренъ сладостной Гекатѣ,
Приходи на тайный лугъ.

1900.

XI.

АМАЛТЕЯ.

Пустыненъ берегъ тусклаго Аверна,
Дрожатъ кругомъ священные лѣса,
Уступы горъ отражены невѣрно

И, какъ завѣса, мутны небеса.
Здѣсь, въ тишинѣ, въ пещерѣ сокровенной,
Внимая вѣчно чьи-то голоса,

Живетъ сибилла. Судьбы всей вселенной
Предъ ней проходятъ;—лица, имена
Смѣняются, какъ сны, въ игрѣ мгновенной.

И этой смѣной сновъ потрясена,
Сама не постигая ихъ значенья,
На свиткахъ записать спѣшитъ она

И звуки словъ, и вѣщія видѣнья,
Пророчества, и тайны божества.
И пишетъ, и дрожитъ отъ изступленья,

И въ ужасѣ читаетъ тѣ слова...
Но конченъ свитокъ, и со смѣхомъ, злобно,
Она его бросаетъ и, едва

Успѣвъ взглянуть, беретъ другой, подобный,
И пишетъ вновь, въ тревогѣ, чуть дыша.
А вѣтеръ скалъ лепечетъ стихъ надгробный,

Взвиваетъ свитки и влечетъ, шурша.

1898.

XII.

СКИѲЫ.

Если бъ нѣкогда гостемъ я прибылъ,
Къ вамъ, мои отдаленные предки,—
Вы собратомъ гордиться могли бы,
Полюбили бы взоръ мой мѣткій.

Мнѣ не трудно далась бы наука
Поджидать матераго тура.
Вотъ—я чувствую гибкость лука,
На плечахъ моихъ барсова шкура.

Словно съ дѣтства я къ битвамъ пріученъ!
Все въ раздольѣ степей мнѣ родное!
И мой голосъ вѣрно созвученъ
Съ оглушительнымъ браннымъ воемъ.

Изъ пловцовъ окажусь я лучшимъ,
Обгоню всѣхъ юношей въ бѣгѣ;
Ваша дѣва со взоромъ жгучимъ
Заласкаетъ меня ночью въ телѣгѣ.

Истуканъ на серединѣ деревни
Поглядитъ на меня исподлобья.
Я уважу ликъ его древній,
Одарить его пышно—готовъ я.

А, когда разсядутся старцы,
Молодежь запляшетъ подъ клики,—
На кускѣ сбереженнаго кварца
Начерчу я новые лики.

Я буду, какъ всѣ—и особый.
Волхвы меня примутъ, какъ сына.
Я сложу имъ пѣсню для пробы,
Но отъ нихъ уйду я въ дружину.

Гей вы! слушайте, вольные волки!
Повинуйтесь жданному кличу!
У коней развѣваются челки,
Мы опять летимъ на добычу.

1900.

XIII.

КЛЕОПАТРА.

Я—Клеопатра, я была царица,
Въ Египтѣ правила восьмнадцать лѣтъ.
Погибъ и вѣчный Римъ, Лагидовъ нѣтъ,
Мой прахъ несчастный не хранитъ гробница.

Въ дѣяньяхъ міра мой ничтоженъ слѣдъ,
Всѣ дни мои—то празднествъ вереница,
Я смерть нашла, какъ буйная блудница...
Но надъ тобой я властвую, поэтъ!

Вновь, какъ царей, я предаю томленью
Тебя, прельщеннаго невѣрной тѣнью,
Я снова женщина—въ мечтахъ твоихъ.

Безсмертенъ ты искусства дивной властью,
А я безсмертна прелестью и страстью:
Вся жизнь моя—въ вѣкахъ звенящій стихъ.

1899.

XIV.

СТАРЫЙ ВИКИНГЪ.

Онъ сталъ на утесѣ; въ лицо ему вѣтеръ суровый
Бросалъ, насмѣхаясь, колючими брызгами пѣны.
И валъ возносился и рушился, бѣлоголовый,
И море стучало у ногъ о гранитныя стѣны.

Подъ вѣтромъ уклончивымъ парусъ скользилъ на просторѣ,
Къ Винландіи внукъ его правилъ свой бѣгъ непреклонный,
И съ каждымъ мгновеньемъ межъ ними все ширилось море,
А голосъ морской разносился, какъ вопль похоронный.

О, горе, кто видѣлъ, какъ дѣти дѣтей уплываютъ
Въ страну недоступную больше мечу и побѣдамъ!
Кого и напѣвы военныхъ роговъ не сзываютъ,
Кто долженъ мириться со славой, уступленной дѣдамъ.

Хочу навсегда быть желаннымъ и сильнымъ для боя,
Чтобъ не были тяжки гранитныя, косныя стѣны,
Когда уплываетъ корабль среди шума и воя,
И вѣтеръ въ лицо намъ швыряется брызгами пѣны.

1900.

XV.

ДАНТЕ.

Безумцы и поэты нашихъ дней
Въ согласномъ хорѣ смѣха и презрѣнья
Встрѣчаютъ голосъ и родныхъ тѣней.

Давно плѣнилъ мое воображенье
Угрюмый образъ изъ далекихъ лѣтъ,
Что одиночества былъ воплощенье.

Я вижу годы, какъ безумный бредъ,
Людей, принявшихъ снова видъ звѣриный,
Я слышу вой во славу ихъ побѣдъ.

(То съ гвельфами боролись гибеллины!)
И въ эти годы съ ними жилъ и онъ,—
На всей землѣ прообразъ нашъ единый.

Подобныхъ зналъ онъ лишь въ дали временъ,
А въ будущемъ ему виднѣлось то же,
Что̀ въ настоящемъ,—безобразный сонъ.

Мечтательный, на дѣвушку похожій,
Онъ пріучался къ зрѣлищу смертей,
Но складки на челѣ ложились строже.

Онъ, вѣрившій въ величіе людей,
Со стономъ звалъ: пускай придутъ владыки
И усмирятъ безсмысленныхъ дѣтей.

Подъ звонъ мечей, проклятія и крики
Онъ межъ людей томился, какъ въ бреду...
О, Данте! о, отверженецъ великій,—

Воистину ты долго жилъ—въ аду!

1898.

XVI.

ДАНТЕ ВЪ ВЕНЕЦІИ.

По улицамъ Венеціи, въ вечерній
Невѣрный часъ, блуждалъ я межъ толпы,
И сердце трепетало суевѣрнѣй.

Каналы, какъ громадныя тропы,
Манили въ вѣчность; въ перемѣнахъ тѣни
Казались дивны строгіе столпы,

И рядъ ожившихъ призрачныхъ строеній
Являлъ очамъ, чего ужъ больше нѣтъ,
Что было для минувшихъ поколѣній.

И словно унесенный въ лунный свѣтъ
Я упивался невозможнымъ чудомъ,
Но тяжекъ былъ мнѣ дружескій привѣтъ...

Въ тотъ вечеръ улицы кишѣли людомъ,
Во мглѣ свободно веселился грѣхъ,
И былъ весь городъ дьявольскимъ сосудомъ.

Безстыдно раздавался женскій смѣхъ
И звѣрскія мелькали мимо лица...
И помыслы разгадывалъ я всѣхъ.

Но вдругъ среди позорной вереницы
Угрюмый обликъ предо мной возникъ.
— Такъ иногда съ утеса глянутъ птицы—

То былъ суровый, опаленный ликъ,
Не мертвый ликъ, но просвѣтленно-страстный,
Безъ возраста, не мальчикъ, не старикъ.

И жалкимъ нашимъ нуждамъ не причастный,
Случайный отблескъ будущихъ вѣковъ,
Онъ сквозь толпу и шумъ прошелъ, какъ властный.

Мгновенно замеръ говоръ голосовъ,
Какъ будто въ вѣчность пріоткрылись двери,
И я спросилъ, дрожа, кто онъ таковъ.

Но тотчасъ понялъ: Данте Алигьери.

1900.

XVII.

ФЛОРЕНЦІЯ ДЕКАМЕРОНА.

Вы, флорентинки прошлыхъ дней!—о васъ
Такъ ясно я мечталъ въ обманахъ лунныхъ,
О быстромъ блескѣ вашихъ крупныхъ глазъ.

Сады любви въ тиши оградъ чугунныхъ,
Пѣвучій говоръ и жемчужный смѣхъ,
Разсказы съ перебоемъ пѣсенъ струнныхъ.

Принцессы, горожанки—здѣсь у всѣхъ
Веселость, острый умъ, и взоръ лукавый,
И жажда ненасытная утѣхъ.

Красавца видя, всѣ полны отравой,
И долго жадный взоръ его слѣдитъ.
Для васъ любовь всегда была забавой!

Вамъ было непонятно слово „стыдъ"!
Среди земныхъ красотъ, земныхъ величій
Мнѣ флорентинки близокъ лживый видъ,

И сладостно мнѣ имя Беатриче.

1900.

XVIII.

АСТРАЛОГЪ.

Звѣздное небо плыветъ надо мной.
Чистымъ сіяньемъ сверкаютъ планеты.

Вкругъ меня движется сумракъ ночной...
Тѣни ли мертвыя свѣтомъ согрѣты?
Вотъ проступаютъ тѣлеснѣй, яснѣй
Твердыя бедра и полныя плечи,
Смотрятъ глаза изъ-подъ черныхъ кудрей...
Сдержанный хохотъ, чуть слышныя рѣчи...
Вотъ обозначился бѣлый хребетъ,
Груди повисли, согнулись колѣни...

Въ небѣ холодномъ мерцанье планетъ,
Въ небѣ порядокъ круговъ и движеній...

1899.

XIX.

БАЯЗЕТЪ.

Тимуръ, прочтя оскорбительное письмо Баязета, воскликнулъ: „Сынъ Мурата сошелъ съ ума".

Нѣтъ! не съ ума сошелъ Муратовъ сынъ,
Ошибся ты, хромецъ надменный!
Но онъ взревѣлъ, какъ вольный левъ долинъ,
Узнавъ, что въ мірѣ есть еще одинъ,
Что дерзкихъ двое во вселенной.

И степи дрогнули подъ звонъ копытъ,
И шумъ отъ сшибки замеръ въ небѣ.
Покой пустыни воплями былъ сытъ,
Багряной кровью сумракъ былъ залитъ,
И вѣренъ былъ случайный жребій.

1899.

XX.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Да, я—морякъ! искатель острововъ,
Скиталецъ дерзкій въ неоглядномъ морѣ.
Я жажду новыхъ странъ, иныхъ цвѣтовъ,
Нарѣчій странныхъ, чуждыхъ плоскогорій.

И женщины идутъ на страстный зовъ,
Покорныя, съ одной мольбой во взорѣ!
Спадаетъ съ душъ мучительный покровъ,
Все отдаютъ онѣ—восторгъ и горе.

Въ любви душа вскрывается до дна,
Яснѣетъ въ ней святая глубина,
Гдѣ все единственно и неслучайно.

Да! я гублю! пью жизни, какъ вампиръ!
Но каждая душа—то новый міръ,
И манитъ вновь своей безвѣстной тайной.

1900.

XXI.

МАРІЯ СТЮАРТЪ.

О, еслибъ знала ты, что̀ предъ тобою было,
Когда бѣжалъ корабль къ туманной полосѣ,
Отъ милой Франціи къ Шотландіи немилой,
Всѣ бѣды, весь позоръ и униженья всѣ!

Любила ты балы и пышный чинъ обѣденъ,
И отдалась странѣ, гдѣ властвуетъ туманъ,
Гдѣ въ замкахъ дѣдовскихъ строй жизни хмуръ и бѣденъ
И гдѣ звучатъ псалмы угрюмыхъ пуританъ.

Ты страсти жаждала, какъ неба жаждутъ птицы,
Вся подчинялась ей, тонула въ яркихъ снахъ,—
И слышала въ отвѣтъ названіе блудницы,
И твой возлюбленный погибъ въ твоихъ рукахъ.

Потомъ, захвачена соперницей надменной,
Въ тюрьмѣ ты провлекла семнадцать гордыхъ лѣтъ,
И, наконецъ, безъ силъ, къ ея ногамъ, смиренно,
Припала ты рабой... И смерть была отвѣтъ.

—

О! ты ждала ее! ты, съ сердцемъ омертвѣлымъ,
У плахи слушала послѣднихъ вѣрныхъ плачъ.
Но солгала и смертъ: твоимъ безглавымъ тѣломъ
Въ послѣдній разъ насытился палачъ.

1901.

XXII.

РАЗОРЕННЫЙ КІЕВЪ.

Четыре дня мы шли опустошенной степью.
И вотъ открылось намъ раздолiе Днѣпра,
Гдѣ съ нимъ сливается Десна, его сестра...
Кто не дивится тамъ его великолѣпью!

Но было намъ въ тотъ день не до земныхъ красотъ!
Спѣшили въ Кіевъ мы,—разграбленный, пустынный,
Чтобъ лобызать хоть прахъ отъ церкви Десятинной,
Чтобъ плакать на камняхъ отъ Золотыхъ воротъ!

Всю ночь бродили мы, отчаяньемъ объяты,
Среди развалинъ тѣхъ, рыдая о быломъ;
Мы утромъ всѣ въ слезахъ пошли своимъ путемъ...
Еще спустя три дня открылись намъ Карпаты.

1898.

XXIII.

О ПОСЛѢДНЕМЪ РЯЗАНСКОМЪ КНЯЗѢ ИВАНѢ ИВАНОВИЧѢ.

Ой, вы, струночки,—многозвончаты!
Балалаечка,—многознаечка!
Ужъ ты спой намъ весело
Свою пѣсенку,
Спой намъ нонче ты, нонче ты, нонче ты...

Какъ рязанскій князь подъ замкомъ сидитъ,
Подъ замкомъ сидитъ, на Москву глядитъ,
Думу думаетъ, вспоминаетъ онъ,
Какъ людьми московскими безъ вины полоненъ,
Какъ его по улицамъ вели давеча,
Природнаго князя, Святославича,
Какъ глядѣлъ на него московскій народъ,
Провожалъ, смѣясь, отъ калужскихъ воротъ.

А ему, князю, подобаетъ честь:
Въ старшинствѣ своемъ на златъ-столъ возсѣсть.
Вотъ въ вѣнцѣ онъ горитъ, а кругомъ—лучи!
Поклоняются князья—Мономаховичи.
Но и тѣхъ любить всей душой онъ радъ,
Въ племени Рюрика всѣмъ старшій братъ.

Вотъ онъ кликнетъ кличъ, кто гораздъ воевать!
На конѣ онъ самъ поведетъ свою рать
На Свею, на Литву, на поганый Крымъ...
(А не хочетъ кто, отъѣзжай къ другимъ!)
Споютъ гусляры про славную брань,
Потѣшатъ, прославятъ древнюю Рязань.

Но кругомъ темно—тишина,—
За рѣшеткой въ окно Москва видна,
Не услышитъ никто удалый кличъ,
За замкомъ сидитъ послѣдній Ольговичъ.
Поведутъ его, жди, середи воровъ
На злую казнь на кремлевскій ровъ.

Ой, вы, струночки,—многозвончаты!
Ой, подруженька,—многознаечка!
Спой намъ нонче ты, спой намъ нонче ты,
Балалаечка!

1899.

XXIV.

НАПОЛЕОНЪ.

Да, на дорогѣ поколѣній,
На пыли расточенныхъ лѣтъ,
Твоихъ шаговъ, твоихъ движеній
Остался неизмѣнный слѣдъ.

Ты скованъ былъ по мысли Рока
Изъ тяжести и властныхъ силъ:
Не могъ ты не ступать глубоко,
И шагъ твой землю тяготилъ.

Что строилось трудомъ суровымъ,
Вставало медленно въ вѣкахъ,
Ты сокрушалъ случайнымъ словомъ,
Движеньемъ повергалъ во прахъ.

Самъ изумленъ служеньемъ счастья,
Ты, какъ пращей, металъ войска,
И міровое самовластье
Бросалъ, какъ ставку игрока.

Пьянѣя славой неизмѣнной,
Ты шелъ сквозь міръ, круша, дробя...
И стало, наконецъ, вселенной
Невмоготу носить тебя.

Земля дохнула полной грудью,
И ты, какъ листъ въ дыханьи грозъ,
Взвился и полетѣлъ къ безлюдью,
И палъ, безсильный, на утесъ,—

Гдѣ, на раздольи одичаломъ,
Отъ вѣка этихъ дней ждала
Тебя достойнымъ пьедесталомъ
Со дна встающая скала!

1901.

У МОРЯ.

Крымъ 1898—1899 г.
Ревель (Катеринеталь) 1900 г.

I.

Волны взбѣгаютъ и пѣнятся,
Волны на шумномъ прибоѣ;
Встанутъ и странно измѣнятся,
Гаснутъ въ минутномъ покоѣ.

Только-что въ дали сверкающей
Видѣлъ волны зарожденье,
Мигъ—и съ волной отбѣгающей
Тихо грохочутъ каменья.

1898.

II.

Звѣзда затеплилась стыдливо,
Столпились тѣни у холма;
Стихаетъ море; вдоль залива
Рѣдѣетъ пѣнная кайма.

Уже погасли пятна свѣта
На граняхъ сумрачныхъ вершинъ,—
И вотъ въ селеньи съ минарета
Запѣлъ протяжно муэдзинъ.

1898.

III.

У перекрестка двухъ дорогъ
Журчанье тихое фонтана;
Источникъ скуденъ и убогъ;
На камнѣ надпись изъ корана.

Здѣсь дышитъ скромный кипарисъ,
Здѣсь дремлетъ пыльная олива,
А ручеекъ сбѣгаетъ внизъ
Къ прибрежью вольнаго залива.

1898.

IV.

Гдѣ подступаетъ къ морю садъ,
Я знаю гротъ уединенный:
Тамъ шепчетъ дремлющій каскадъ.
Тамъ прудъ недвижимъ полусонный.

Тамъ дышатъ лавры и миндаль
При набѣжавшемъ тихомъ вѣтрѣ,
А сзади, закрывая даль,
Уходитъ въ небо пикъ Ай-Петри.

1898.

V.

День растопленъ; море сине;
Подступили близко горы.
Воздухъ чистъ, и четкость линій
Утомляетъ взоры.

Подъ столѣтнимъ кедромъ—тѣни,
Отзвукъ утренней прохлады.
Слушай здѣсь, отдавшись лѣни,
Какъ трещатъ цикады.

1898.

VI.

Весь день былъ тусклый, блѣдный и туманный;
Шли облака въ уныло-смутной смѣнѣ;
Свѣтъ солнца былъ болѣзненный и странный,
И отъ деревьевъ не ложилось тѣни.

И лишь подъ вечеръ солнце мимолетно
Вдругъ озарило море, даль и горы,
Все вспыхнуло въ надеждѣ безотчетной...
Но тьма настала, и смежились взоры.

1898.

VII.

Мѣсячный свѣтъ электрическій
Въ морѣ дрожитъ, извивается;
Силѣ подвластно магической,
Море кипитъ и вздымается.

Волны взбѣгаютъ упорныя,
Мечутся, дикія, плѣнныя,
Гибнутъ въ борьбѣ, непокорныя,
Гаснутъ разбитыя, пѣнныя...

Мѣсячный свѣтъ электрическій
Въ морѣ змѣится, свивается;
Силѣ подвластно магической,
Море кипитъ и вздымается.

1898.

VIII.

Словно птица большая
Неизвѣданныхъ странъ,
Поднялся, улетая,
Безпощадный туманъ.

Поднялся и помчался
Надъ морской глубиной,
Развивался, свивался,
И исчезъ за водой.

Вновь зеленые склоны
Намъ открылись; и лѣсъ
Отвѣчалъ, возрожденный,
На привѣты небесъ.

1898.

IX.

Лежу на камнѣ, солнцемъ разогрѣтомъ,
И отдаюсь порывамъ теплымъ вѣтра.
Сверкаютъ волны незнакомымъ свѣтомъ,
Въ ихъ звучномъ плескѣ нѣтъ родного метра.

Смотрю на волны; ихъ невѣрныхъ линій
Не угадавъ, смущенъ ихъ вѣчной смѣной...
Приходятъ волны къ намъ изъ дали синей,
Взлетаютъ въ брызгахъ, умираютъ пѣной.

Кругомъ сверканье, говоръ и движенье,
Какъ будто жизнь, съ водой борьба утесовъ...
Я не пойму, въ чемъ тайный смыслъ волненья,
А морю не понять моихъ вопросовъ.

1898.

X.

Кипитъ встревоженное море,
Мятутся волны, какъ въ плѣну;
Померкъ маякъ на Ай-Тодорѣ,
Вся ночь привѣтствуетъ луну.

Луна державно дѣлитъ море:
То мракъ, то отблесковъ игра.
И спитъ въ серебряномъ просторѣ
Міръ парусовъ изъ серебра.

1899.

XI.

Волны приходятъ и волны уходятъ,
Стелются пѣной на берегъ отлогій.
Пò-морю тѣни туманныя бродятъ,
Чайки летятъ и кричатъ, какъ въ тревогѣ.

Много столѣтій близъ отмели дикой
Дремлютъ въ развалинахъ римскія стѣны,
Слушаютъ чаекъ протяжные крики,
Смотрятъ на бѣлое кружево пѣны.

1899.

XII.

Обошла тропа утесъ,
Выше всходятъ буки.
Позади лѣсные звуки,
Крики птицъ и дикихъ козъ.

Впереди рѣдѣетъ лѣсъ,
Камни у вершины,
Вѣтра свистъ, полетъ орлиный,
Даль земли и даль небесъ.

1899.

XIII.

Небо чернѣло съ огнями,
Море чернѣло безъ звѣздъ.
Плотно обложенъ камнями
Былъ изогнутый объѣздъ.

Внизъ виноградникъ по скату
Тихо спускался; толпой
Кустики жались братъ къ брату...
Помнишь? мы шли той тропой!

1899.

XIV.

Бѣлый цвѣтъ магнолій
Смотритъ, какъ глаза.
Страшно жить на волѣ:
Чуется гроза.

Волны словно стекла,
Отражаютъ блескъ.
Чу! въ травѣ поблеклой
Ящерицы трескъ.

Вкругъ смотрю смущенно,
Взоръ въ листву проникъ:
Тамъ къ цвѣтку склоненный
Юный женскій ликъ.

1899.

XV.

Облака цѣпляются
За вершины горъ.
Такъ слова слагаются
Въ смутный разговоръ.

Горьки и томительны
Жалобы твои:
То разсказъ мучительный
О былой любви.

Слушаю и думаю
Какъ въ тяжеломъ снѣ.
Облако угрюмое
Внизъ ползетъ ко мнѣ.

1899.

XVI.

Мѣрно вьетъ дорога
Одинокій путь.
Я въ рукахъ у Бога,
Сладко дышитъ грудь.

Гордо дремлютъ буки,
Чаща безъ границъ.
Всѣ согласны звуки
Съ голосами птицъ.

Манитъ тихимъ зовомъ
Зашумѣвшій ключъ.
Вѣтки свисли кровомъ
Отъ пролетныхъ тучъ.

Близкій, безконечный,
Вольный міръ вокругъ,
И случайный встрѣчный—
Какъ желанный другъ.

1899.

XVII.

Вѣтеръ съ моря волны гонитъ,
Роетъ отмель, съ сушей споря;
Вѣтеръ дымъ до зыби клонитъ,
Дымъ въ пространствахъ вольныхъ моря.

Малыхъ лодокъ рѣетъ стая,
Бѣлымъ роемъ дали нѣжитъ.
Въ бѣлой пѣнѣ тихо тая,
Валъ за валомъ отмель рѣжетъ.

1900.

XVIII.

Изъ-за облака скользящій
Лучъ надъ зыблемой водой
Разбивается блестящей,
Серебристой полосой.

И спѣшитъ волна съ тревогой
Въ яркомъ свѣтѣ погорѣть,
Набѣжать на склонъ отлогій,
Потемнѣть и умереть.

1900.

XIX.

Море—въ безсильномъ покоѣ,
Образъ движенья исчезъ.
Море—какъ будто литое
Зеркало ясныхъ небесъ.

Камни, въ дремотѣ тяжелой,
Берегъ, въ томительномъ снѣ,
Грезятъ—о дерзкой, веселой,
Сладко-соленой волнѣ.

1900.

XX.

ЗАКАТЪ.

Видѣлъ я надъ моремъ сѣрымъ
Змѣй-Горынычъ пролеталъ.
Море въ отблескахъ горѣло,
Отсвѣтъ былъ багрово-алъ.

Трубы спящихъ броненосцевъ,
Чаекъ парусныхъ стада
Озарились блескомъ грознымъ,
Тамъ, гдѣ зыблелась вода.

Сѣя огненныя искры,
Закатился въ тучу змѣй;
И зажглись румянцемъ быстрымъ
Крылья облачныя фей.

1900.

XXI.

ЕЩЕ ЗАКАТЪ.

И мирный вечера пожаръ
Волна морская поглотила.

Тютчевъ.

Свой кругъ рисуя все яснѣй,
Надъ моремъ солнце опускалось,
А въ морѣ полоса огней,
Ему отвѣтныхъ, уменьшалась.

Гдѣ чары сумрака и сна
Уже дышали надъ востокомъ,
Всходила мертвая луна
Какимъ-то жаждущимъ упрекомъ.

Но вдоль по тучамъ, какъ уборъ,
Сверкали радужныя пятна,
И въ нѣжно-голубой просторъ
Лился румянецъ предзакатный.

1900.

ВЪ СТѢНАХЪ.

I.

Люблю я линій вѣрность,
Люблю въ мечтахъ предѣлъ.
Меня страшитъ безмѣрность
И чудо Божьихъ дѣлъ.

Люблю дома, не скалы.
Ахъ, книги краше розъ!
— Но милы мнѣ кристалы
И жало тонкихъ осъ.

1899.

II.

Я люблю большіе дома
И узкія улицы города,—
Въ дни, когда не настала зима,
А осень повѣяла холодомъ.

Пространства люблю площадей,
Стѣнами кругомъ огражденныя,—
Въ часъ когда еще нѣтъ фонарей,
А затеплились звѣзды смущенныя.

Городъ и камни люблю,
Грохотъ его и шумы пѣвучіе,—
Въ мигъ, когда пѣсню глубоко таю,
Но въ восторгѣ слышу созвучія.

1898.

III.

Когда сижу одинъ и въ комнатѣ темно,
И кто-то за стѣной играетъ долго гаммы,—
Вдругъ фонари зажгутъ, и свѣтъ, пройдя въ окно,
Начертитъ на стѣнѣ оконныя двѣ рамы;
И мыслю я тогда усталый и больной:
— Фонарь, безвѣстный другъ! ты близокъ! ты со мной!

А послѣ изъ-за крышъ подымется луна,
И, вспыхнувъ, облака уйдутъ какъ ѳиміамы,
И свѣтлый лучъ луны, пройдя стекло окна,
Начертитъ явственнѣй оконныя двѣ рамы;
О, какъ я оживленъ! дрожа, мечтаю я:
— Луна, завѣтный другъ! ты близко! ты—моя!

1898.

IV.

Когда опускается штора
И ласковый ламповый свѣтъ
Умиряетъ усталые взоры,—
Мнѣ слышится счастья привѣтъ.

Мнѣ не нужно яркаго блеска,
Красоты и величья небесъ.
Опустись, опустись, занавѣска!
Весь міръ отошелъ и исчезъ.

Со мной любимыя книги,
Мнѣ поетъ любимый размѣръ.
— Да! я знаю, какъ сладки вериги
Въ глубинѣ безысходныхъ пещеръ.

1899.

V.

Я провижу гордыя тѣни
Грядущихъ и гордыхъ вѣковъ,
Ушедшія въ небо ступени,
Застывшія громады домовъ;

Улицы, кишащія людомъ,
Шумныя дикой толпой,
Жизнь, озаренную чудомъ,
Гдѣ каждый мигъ—роковой;

Всю мощь безмѣрныхъ желаній,
Весь ужасъ найденныхъ словъ,—
Среди неподвижныхъ зданій,
Въ тѣснинѣ мертвыхъ домовъ.

1899.

VI.

Жадно тобой наслаждаюсь,
Сумракъ улицъ священный!
Тайно тебѣ поклоняюсь,
Будущій царь вселенной!

Ты далёко руки протянешь,
Въ пустыни, ко льдамъ, на горы;
Солнечный свѣтъ затуманишь,
Къ полутьмѣ пріучишь взоры.

Тайно тебѣ поклоняюсь,
Гряди, могущъ и невѣдомъ!
Предъ тобой во прахъ повергаюсь,
Пусть буду путемъ къ побѣдамъ.

1899.

VII.

Люблю вечерній свѣтъ, и первые огни,
И небо блѣдное, гдѣ звѣздъ еще не видно.
Какъ страненъ взоръ людей въ медлительной тѣни,
Имъ на меня глядѣть не страшно и не стыдно.

И я съ людьми какъ братъ, я все прощаю имъ,
Печальнымъ, вдумчивымъ, идущимъ въ тихой смѣнѣ,
За то, что вмѣстѣ мы на грани сновъ скользимъ,
За то, что и они, какъ я,—причастны тѣни.

1899.

VIII.

Мы къ яркимъ краскамъ не привыкли,
Одежда наша—цвѣтъ земли;
И робкимъ взоромъ мы поникли,
Влачимся медленно въ пыли.

Мы дышимъ комнатною пылью,
Живемъ среди картинъ и книгъ,
И дорогъ нашему безсилью
Отдѣльный стихъ, отдѣльный мигъ.

А мнѣ что̀ снится?—дикіе крики.
А мнѣ что̀ близко?—кровь и война.
Мои братья—сѣверные владыки,
Мое время—викинговъ времена.

1899.

IX.

Зодчество церквей старинныхъ,
Современный прихотливый сводъ,
Много зданій—высокихъ, длинныхъ,
Улицы неувѣренный поворотъ.

Проходящихъ тѣней вереница,
Отрывки неугаданныхъ словъ,
Женскія мимолетныя лица,
И смутная память шаговъ.

1899.

X.

Вы, снѣжинки, вѣйте,
Насъ лишь пожалѣйте!
Васъ, снѣжинокъ, много, много,
И летите вы отъ Бога.

Гдѣ намъ съ вольными бороться!
Вамъ привольно, вамъ поется.
Захотите,—заметете,
Городъ въ цѣпи закуете...

1899.

XI.

НА ДАЧѢ.

Растопленный день вечерѣетъ,
Безцвѣтное небо померкло,
И призрачный мѣсяцъ свѣтлѣе
Надъ рѣдкой сѣткой изъ вѣтокъ.

Затеплились окна подъ крышей,
Въ садахъ освѣщенныя пятна,
И словно летучія мыши
Шныряютъ кругомъ самокаты.

1899.

XII.

Церкви, великія грани,
Голосъ вашъ радостно строгъ!
Въ мірѣ размѣренныхъ зданій
Смотрите вы на Востокъ.

Цѣпью застывшихъ строеній
Скованы думы и сны.
Въ городѣ вы—словно тѣни
Тихо встающей весны.

1900.

XIII.

Облеченные въ одежды
Длинно тяжкія,—не мы
Къ красотѣ откроемъ вѣжды,
Мы—въ темницахъ сѣрой тьмы.

Грезъ прибѣжище и нѣга,
Тѣло женское!—въ мѣхахъ,
Въ шерсти, въ шарфахъ, въ царствѣ снѣга
Ты лишь безобразный прахъ.

Есть живое возрожденье!
Краски, розы, нагота!
Такъ, творите вы мгновенье...
Кто же васъ творитъ?—Мечта.

1900.

XIV.

Улицей сонной и тихой
Въ бѣломъ сіяніи дня
Шелъ онъ весело, лихо...
Дѣвушка—взоры склоня.

Онъ выдавался нарядомъ,
Хоть былъ некрасивъ, невысокъ;
Дѣвушка съ задумчивымъ взглядомъ
Робкій несла узелокъ.

Двери публичнаго дома
Вскрылись въ сіяніи дня.
Онъ лихо вошелъ, какъ знакомый,—
Дѣвушка—взоры склоня.

1900.

XV.

Мѣсяцъ серпомъ умирающимъ
Смутно виситъ надъ деревьями;
Тѣни встаютъ умоляюще,
Тянутся вѣтви видѣньями.

Зданья одѣты туманами,
Линіи гаснутъ мучительно,
Люди—какъ призраки странные,
Конки скользятъ такъ таинственно.

Міръ непонятно пугающій,
Чуждая взорамъ вселенная!
— Мѣсяцъ, лишь ты, умирающій,
Вѣчно твердишь неизмѣнное.

1900.

XVI.

Огни уползающихъ конокъ
Браздятъ потемнѣвшій туманъ,
И зовъ колокольчиковъ звонокъ...
Пускается въ путь караванъ.

Тамъ, въ душную втиснутъ каюту,
Застывшій, сроднившійся вдругъ
(Друзья и враги на минуту!)
Прохожихъ измѣнчивый кругъ.

Бесѣды и обликъ безмолвный,
Ряды сопоставленныхъ лицъ...
О, конки! вы—вольные челны
Шумящихъ и строгихъ столицъ.

1900.

XVII.

Я видѣлъ искры отъ кирки,
Ударившей о камень.
Вы, силы пламени, легки,
Люблю тебя, о пламень!

Ты встанешь нѣкогда врагомъ,
Ты до-неба воспрянешь!
И день, вѣнчанный вѣчнымъ днемъ,—
Я жду,—и ты настанешь!

1900.

XVIII.

Словно нездѣшнія тѣни,
Стѣны меня обступили:
Думы былыхъ поколѣній!
Въ городѣ я—какъ въ могилѣ.

Зданія—хищные звѣри
Съ сотней несытыхъ утробъ!
Страшны закрытыя двери:
Каждая комната—гробъ!

1900.

XIX.

Въ борьбѣ съ весной рѣдѣетъ зимній холодъ,
Сѣть проволокъ свободнѣй и нѣжнѣй,
Снѣгъ, потемнѣвшій, сложенъ въ кучи, сколотъ,
Даль улицы исполнена тѣней.

Вдали, вблизи—все мнѣ твердитъ о смѣнѣ:
И стаи птицъ, кружащихъ надъ крестомъ,
И ручеекъ, звеня, бѣгущій въ пѣнѣ,
— И женщина съ огромнымъ животомъ.

1900.

ЕЩЕ СКАЗКА.

I.

ЖЕНЩИНѢ.

Ты—женщина, ты—книга между книгъ,
Ты—свернутый, запечатлѣнный свитокъ;
Въ его строкахъ и думъ и словъ избытокъ,
Въ его листахъ безуменъ каждый мигъ.

Ты—женщина, ты—вѣдьмовскій напитокъ!
Онъ жжетъ огнемъ, едва въ уста проникъ;
Но пьющій пламя подавляетъ крикъ
И славословитъ бѣшено средь пытокъ.

Ты—женщина, и этимъ ты права.
Отъ вѣка убрана короной звѣздной,
Ты—въ нашихъ безднахъ образъ божества!

Мы для тебя влечемъ яремъ желѣзный,
Тебѣ мы служимъ, тверди горъ дробя,
И молимся—отъ вѣка—на тебя!

1900.

II.

ЛЮБОВЬ.

Не мысли о земномъ и маломъ
Въ дыханьи бури роковой,—
И, не стыдясь святого страха,
Клони чело свое до праха.
Любовью—съ міровымъ началомъ
Роднится духъ безсильный твой.

Любовь находитъ черной тучей.
Молись, познавъ ея приходъ!
Не отдавай души упорству,
Не уклоняйся, но покорствуй!
И кто бъ ни подалъ кубокъ жгучій,—
Въ немъ даръ таинственныхъ высотъ.

1900.

III.

Осенній день былъ тусклъ и скуденъ,
А воздухъ недвижимо жгучъ.
Терялся лучъ больныхъ полуденъ
Въ безкрайности сгущенныхъ тучъ.

Шли тополя по придорожью,
Вѣтрамъ зимы обнажены,
Но маленькіе листья — дрожью
Напоминали сонъ весны.

Мы шли, глядя другъ другу въ очи,
Встрѣчая жданныя мечты.
Мгновенья дѣлались короче,
И было въ мірѣ—я и ты.

Когда, забывъ о дольномъ плачѣ,
Въ пространствахъ двѣ души летятъ,
Нельзя имъ чувствовать иначе,
Обмѣнивая взглядъ на взглядъ!

1899.

IV.

Я—мотылекъ ночной. Послушно
Кружусь надъ яркостью свѣчи.
Сіяетъ пламя равнодушно,
Но такъ ласкательны лучи.

Я этой лаской не обманутъ,
Я знаю гибель наизусть,—
Но крылья биться не устанутъ,
Съ усладой повторяю: пусть!

Вотъ все невыносимѣй жгучесть,
Тѣснѣй и опьяненнѣй кругъ,
Такъ явно неизбѣжна участь;
Но въ паданьи захваченъ духъ.

Хочу упиться смертью знойной,
Извѣдать сладости огня.
Еще одинъ полетъ нестройный,
И пламя обовьетъ меня.

1900.

V.

По холоднымъ знакомымъ ступенямъ
Я вошелъ въ позабытый дворецъ
(Къ поцѣлуямъ, и клятвамъ, и пенямъ),
Оглянулся, какъ жалкій бѣглецъ.

Здѣсь, ребенкомъ, извѣдалъ я годы,
Поклонялся величью дворца;
Словно небо, казались мнѣ своды,
Переходы кругомъ—безъ конца.

Ликовать иль рыдать о измѣнѣ?
Какъ все тѣсно и жалко теперь!
(Поцѣлуи, и клятвы, и пени...)
...И открылъ я завѣтную дверь.

1900.

VI.

Давно ушелъ я въ міръ, гдѣ думы,
Давно позналъ нездѣшній свѣтъ.
Мнѣ странны красочные шумы,
Страстямъ въ душѣ отвѣта нѣтъ.

Могу я медлить мигъ мгновенный,
Но въ высь иду одной тропой.
Кто мнѣ шепнулъ о жизни плѣнной?
— Моя звѣзда! я только твой.

1900.

VII.

Да, эту улицу я знаю:
Всѣ виды вдаль и каждый домъ,
И я, испуганно, встрѣчаю
Святыя думы—о былomъ!

Я здѣсь, какъ мальчикъ, неумѣло
Условнаго свиданья ждалъ...
Зачѣмъ же то мгновенье цѣло,
Когда я самъ—не мальчикъ сталъ!

Съ улыбкой, но со взоромъ строгимъ
Сейчасъ ко мнѣ ты подойдешь,
И будемъ мы, подобно многимъ,
Въ словахъ мѣшать любовь и ложь.

И, послѣ, кисти надъ альковомъ
Въ позорной пляскѣ задрожатъ,
И я возьму восторгъ готовымъ,
Не такъ, какъ много лѣтъ назадъ!

Зачѣмъ же снова,—нынѣ! нынѣ!—
За валомъ сумрачныхъ годовъ,
Былое высится святыней,
И плакать я предъ нимъ готовъ!

Какъ страшно здѣсь, гдѣ все знакомо,
Какъ прежде, милой встрѣчи ждать,
Но знать, что роковой истомой
Не можетъ сердце задрожать!

1900.

VIII.

Строгій, холодный и властный
Свѣтъ невосшедшаго дня.
Улицы мертво-безстрастны,
Путь убѣгаетъ, маня.

Въ свѣтломъ безмолвіи утра
Двое насъ въ мірѣ живыхъ!
Въ облакахъ игра перламутра.
Румянецъ затепленный тихъ.

Въ ущельи безжизненныхъ зданій
Мы дышимъ неземной тишиной,
Въ этотъ часъ не хотимъ ожиданій...
Довольно, что ты—со мной.

Настало что-то... Какъ дѣти,
Сознаемъ мы исполненный мигъ.
Утро въ холодномъ свѣтѣ,
Ты лучше пѣсенъ и книгъ!

1900.

IX.

Роскошенъ лѣсъ въ огнѣ осеннемъ,
Когда закатомъ пьянъ багрецъ,
И ты, царица, входишь къ тѣнямъ
И папоротникъ—твой вѣнецъ!

Листва живетъ мгновеньемъ пышнымъ,
Отъ всѣхъ надеждъ отрѣшена,
И стало будущее лишнимъ,
И осень стала какъ весна!

Но вздрогнешь ты у той поляны,
Гдѣ мой припомнится привѣтъ,
И долго будетъ листъ багряный
Хранить замедленный твой слѣдъ.

1900.

X.

Я помню свѣтъ невѣрно бѣлый,
И запахъ розъ томившій насъ,
Взоръ соблазнительно несмѣлый
И этотъ весь вечерній часъ.

Мы были двое... Тѣни съ нами.
Лишь изрѣдка твоей руки
Касаясь жадными губами,
Дышалъ я таинствомъ тоски.

И сдвинулись неслышно тѣни,
Все ложью опьянила мгла,—
Но правду бѣглыхъ отраженій
Вдаль уводили зеркала.

1900.

XI.

Въ моихъ словахъ безстыдство было,
Въ твоихъ очахъ—упорство дня,
И мы боролись съ равной силой,
Другъ друга жаждя и кляня.

А мальвы листьями встрѣчались,
Клонясь подъ тихимъ вѣтеркомъ,
И сосны яростно качались
Въ просторѣ слишкомъ голубомъ.

О, если каждый образъ вѣченъ
И полны прошлымъ небеса,
То въ безднахъ этотъ мигъ отмѣченъ
Какъ огневая полоса!

1900.

XII.

Я помню взоръ твой, смутно-длительный,
И дрожь младенческую рукъ.
Переживала мигъ томительный
Ты, какъ ударъ, постигшій вдругъ.

А я, какъ сонъ давно предсказанный,
Привѣтствовалъ и стыдъ и часъ,
И ночь своей тафтой развязанной
Покрыла вдохновенно насъ.

Я видѣлъ—щеки помертвѣлыя,
Въ объятьяхъ застывавшій трупъ...
И я сдавилъ тѣ губы бѣлыя
Безжалостностью жадныхъ губъ.

1900.

XIII.

Я узналъ безобразіе радостей,
Весь позоръ открываемыхъ губъ,
Но обрѣлъ затаенныя сладости,
Тамъ, гдѣ члены недвижны, какъ трупъ.

Сладострастью движеній несдержанныхъ
И огню набѣгающихъ мукъ
Предпочту я безсильныхъ, поверженныхъ,
Нѣмоту затекающихъ рукъ.

Въ тишинѣ полумрака тяжелаго,
Въ пьяномъ запахѣ грѣшнаго сна,
Насъ уноситъ густая, какъ олово,
Уходящая въ вѣчность, волна.

1900.

XIV.

И снова ты, и снова ты,
И власти нѣтъ проклясть!
Какъ Сиріусъ палитъ цвѣты
Холоднымъ взоромъ съ высоты,
Такъ надо мной восходишь ты,
Ночное солнце—страсть!

Мнѣ кто-то предлагаетъ бой
Въ ночномъ безлюдьи, подъ шатромъ.
И я, лицомъ къ лицу съ судьбой,
И я, вдвоемъ съ тобой, съ собой,
До утра упоенъ борьбой,
И—какъ Израиль—хромъ!

Дневные ринутся лучи,—
Не мнѣ предъ ними пасть!
Они—какъ туча саранчи.
Я съ Богомъ воевалъ въ ночи,
На мнѣ горятъ Его лучи.
Я твой, я твой, о, страсть!

1900.

XV.

Я имени тебѣ не знаю,
Не назову.
Но я въ мечтахъ тебя ласкаю...
И наяву!

Ты въ зеркалѣ еще безгрѣшнѣй,
Прижмись ко мнѣ.
Но какъ рѣшить, что̀ въ жизни внѣшней
И что̀ во снѣ?

Я слышу Нилъ... Закрыты ставни...
Песчаный зной...
Иль это только бредъ недавній,
Ты не со мной?

Иль, можетъ, все въ мгновенной смѣнѣ,
И нѣтъ именъ,
И мы съ тобой летимъ, какъ тѣни,
Какъ чей-то сонъ?..

1900.

XVI.

Мысль о тебѣ меня весь день ласкаетъ,
Какъ легкій вѣтерокъ въ полдневный жаръ цвѣты;
И, слово-за-слово, нашъ разговоръ мелькаетъ
И хочется, смутясь, тебѣ промолвить: „ты“!

Благословляю васъ, мгновенья жизни полной!
Вы къ медленнымъ часамъ даете волю вновь.
Такъ отъ весла, въ тиши, бѣгутъ далеко волны...
На крыльяхъ, на волнахъ ты мчишь меня, любовь!

1900.

XVII.

Часы прошли, какъ сонъ измѣнчивый.
О, вечеръ! наступай и ты,
И встрѣчей длительной увѣнчивай
Весь день томившія мечты!

Любовь горитъ еще нетлѣннѣе,
Пройдя мучительство суетъ.
Такъ небо, сѣрое, осеннее,
Звѣзды пронизываетъ свѣтъ.

1900.

XVIII.

Насталъ завѣтный часъ дремотный.
Безъ словъ, покорствуя судьбѣ,
Клонюсь я къ безднѣ безотчетной,
Съ послѣдней думой — о тебѣ!

Въ мечты мои ты льешь, царица,
Свѣтъ съ изумруднаго вѣнца,
И дня прочтенная страница
Тобою дышитъ до конца.

1900.

XIX.

Тоска бродячаго свѣтила
По дерзкой вольности своей
Меня недавно осѣнила
Въ раздольи голубыхъ полей.

Но вновь, какъ вѣрная комета,
Свершивъ размѣренный свой путь,
Я возвращаюсь къ безднѣ свѣта —
Въ сіяньи солнца потонуть.

И вольность синяя забыта,
Лучи нахлынули, пьяня,
И сладостно, какъ власть магнита,
Вліянье жгучаго огня.

1900.

XX.

Я — мотылекъ ночной...

Стр. 96.

О, да! я — темный мотылекъ,
Кружусь я, крыльями стуча;
На гибель манитъ огонекъ...
О, да! я — темный мотылекъ,
Но я и свѣтлая свѣча.

Я чувствую свои лучи;
Ихъ свѣтъ привѣтенъ и глубокъ,
И ты надъ пламенемъ свѣчи,
Впивая жгучіе лучи,
Кружишься, бѣлый мотылекъ!

И кто къ кому? ко мнѣ ли ты,
Къ тебѣ ли я, иль мы съ тобой?
Твои глаза — мои ль мечты?
Въ тебѣ ли я? во мнѣ ли ты?
— Мы оба пойманы судьбой!

1900.

XXI.

Ты умѣешь улыбаться
Тихимъ трепетомъ рѣсницъ...
Сладко въ небѣ колыхаться
Перелетнымъ стаямъ птицъ.

Ты умѣешь быть желанной
Сквозь вседневныя слова...
Вѣтеръ дышитъ надъ саванной,
Знойно клонится трава.

Рукъ любовныхъ приближенье
Нѣжно вѣетъ у лица...
Даль безъ тѣни и движенья,
Травы, небо безъ конца!

1900.

XXII.

Сладко скользить по окраинамъ бездны
Сладко скользить намъ вдвоемъ.
Что жъ намъ приманчивѣй: куполъ ли звѣздный,
Пропасть ли, полная сномъ?

Крылья умчатъ ли отъ жизни усталой
Къ новой и свѣтлой веснѣ?
Или намъ падать и биться о скалы,
Корчиться жалко на днѣ?

Съ каждымъ мгновеньемъ сознанье невѣрнѣй:
Хмель — такъ стремиться вдвоемъ!
Мракъ за звѣздами и звѣзды по черни...
Гдѣ мы и кто, не поймемъ!

Снизу-ль высоты, надъ нами-ль глубины?
Какъ намъ теперь разсмотрѣть?
Можетъ быть, падая внизъ со стремнины,
Къ звѣздамъ мы будемъ летѣть.

Сладко скользить по окраинамъ бездны,
Сладко скользить намъ вдвоемъ.
Что же приманчивѣй: куполъ ли звѣздный,
Пропасть ли, полная сномъ.

1900.

XXIII.

Мнѣ грустно оттого, что мы съ тобой не двое,
Что мѣсяцъ, гость небесъ, заглянетъ къ намъ въ окно,
Что грохотъ города нарушитъ все ночное,
И будетъ счастье тьмы межъ зорь схоронено.

Мнѣ грустно оттого, что завтра ты съ другими
Смѣшаешься въ одной вскипающей волнѣ,
И будешь между нихъ, и будешь вмѣстѣ съ ними,
И хоть на краткій мигъ забудешь обо мнѣ...

О, если бъ быть однимъ, въ высокой, строгой башнѣ,
Гдѣ лампъ кровавый свѣтъ затепленъ навсегда,
Гдѣ вѣчно только ночь, какъ завтра—день вчерашній,
И гдѣ-то безъ конца шумитъ, шумитъ вода!

Отторжены отъ всѣхъ, отъяты отъ вселенной,
Мы были бъ лишь вдвоемъ, я — твой, ты — для меня!
Мы были бъ, какъ цари надъ вѣчностью мгновенной,
И годъ смѣнялъ бы годъ, какъ продолженье дня.

1901.

МИЛАЯ ПРАВДА.

I.

ПЕРВАЯ ЗВѢЗДОЧКА.

Первая звѣздочка! око вечернее,
Привѣтъ тебѣ!
Вечеромъ сердце мое суевѣрнѣе:
Молюсь Судьбѣ.

Первая звѣздочка! будь обѣщаніемъ
Счастливыхъ дней!
Слишкомъ измученъ я долгимъ блужданіемъ
Въ кругу тѣней.

Глянули сестры твои, свѣтлоокія,
Вотъ здѣсь, вотъ тамъ...
Звѣздочки! блестки!—святыя, далекія!—
Я вѣрю вамъ!

1897.

II.

ВЪ ДЕНЬ СВЯТОЙ АГАТЫ.

6 февраля.

Имя твое непорочно и свято
Въ кругу святыхъ.
Примешь ли ты благодарность, Агата,
Въ стихахъ моихъ.

Строгой подвижницей, къ высшему счастью
Стремилась ты,
Эти же строфы подсказаны страстью,
Виномъ мечты.

Нѣтъ! свѣтъ любви передъ взоромъ блаженныхъ
Горитъ сквозь тѣнь:
Вѣрю,—простишь ты и насъ, дерзновенныхъ,
Въ свой свѣтлый день!

1897.

III.

Я ЛЮБЛЮ...

...между двойною бездной...
Ѳ. Тютчевъ.

Я люблю тебя и небо, только небо и тебя,
Я живу двойной любовью, жизнью я дышу, любя.

Въ свѣтломъ небѣ—безконечность: безконечность милыхъ глазъ.
Въ свѣтломъ взорѣ—безпредѣльность: небо, явленное въ насъ.

Я смотрю въ пространства неба, небомъ взоръ мой поглощенъ.
Я смотрю въ глаза: въ нихъ та же—даль пространствъ и даль временъ.

Бездна взора, бездна неба! я, какъ лебедь на волнахъ,
Межъ двойною бездной рѣю, отраженъ въ своихъ мечтахъ.

Такъ, заброшены на землю, къ небу всходимъ мы, любя...
Я люблю тебя и небо, только небо и тебя.

1897.

IV.

БЛИЗКОЙ.

И, когда меня ты убьешь,
Ты надѣнешь бѣлое платье,
И свѣчи у трупа зажжешь,
И сядешь со мной на кровати.

И будемъ съ тобой мы одни
Среди безмолвія ночи;
Лишь будутъ змѣиться огни,
И глядѣть мои тусклыя очи.

Потомъ загорится разсвѣтъ
И окна окраситъ кровью,—
И ты засмѣешься въ отвѣтъ
И прильнешь къ моему изголовью.

1897.

V.

ФЕЯ ФОНТАНОВЪ.

Ты, моя фея фонтановъ,
Фея журчащихъ ручьевъ,
Ты изъ летучихъ тумановъ
Вѣстникомъ вышла на зовъ.

Ты изъ летучихъ тумановъ
Вышла на трепетный зовъ
Около старыхъ платановъ
Въ часъ окликанія совъ.

Около старыхъ платановъ
Слушалъ я оклики совъ.
Высился горъ-великановъ
Призракъ, зловѣще-суровъ.

Призраки горъ-великановъ...
Тѣнь виноградныхъ кустовъ...
Ждалъ я желанныхъ обмановъ,
Мглѣ довѣряя свой зовъ.

Ждалъ я желанныхъ обмановъ...
Ты мой услышала зовъ,
Ты, моя фея фонтановъ,
Фея журчащихъ ручьевъ.

1898.

VI.

И небо и сѣрое море
Уходятъ въ нѣмую безбрежность.
Такъ въ сердцѣ и радость и горе
Сливаются въ тихую нѣжность.

Другимъ—бушеванія бури
И яростный ропотъ прибоя.
Съ тобой—безконечность лазури
И ясныя краски покоя.

На отмель идутъ неизбѣжно
И гаснутъ покорныя волны.
Такъ думы съ безпечностью нѣжной
Встрѣчаютъ твой образъ безмолвный.

1898.

VII.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

Мы забавляемся
Нашей судьбой,
Тихо качаемся
Въ люлькѣ съ тобой.

Фея-кудесница
Пѣсню поетъ,
Къ мѣсяцу-лѣстница
Свѣта ведетъ.

Ангелы мирные
Сходятъ по ней,
Свѣтятъ, эфирные,
Въ мірѣ тѣней.

Мы улыбаемся
Съ томной мольбой.
Тихо качаемся
Въ люлькѣ съ тобой...

1898.

VIII.

Къ твоему плечу прижаться
Я спѣшу въ вечерній часъ.
Пусть глаза мои смежатся:
Звуки стихли, свѣтъ погасъ.

Тихо вѣетъ лишь сознанье,
Что съ тобой мы здѣсь вдвоемъ,
Словно ровное мерцанье
Въ безднахъ, вывѣтренныхъ сномъ.

Просыпаясь, въ дрожи смутной
Протяну къ устамъ уст.:
Знать, что ты—не сонъ минутный,
Что блаженство—не мечта!

Засыпая, помнить буду,
Что твой милый, нѣжный ликъ
Близко, рядомъ, гдѣ-то, всюду,—
Мой ласкательный двойникъ!

И такъ сладко, такъ желанно,
На плечо припавъ твое,
Забывать въ истомѣ жданной
Чье-то злое счастье... чье?

1900.

БЛИЗКИМЪ.

I.

КЪ ПОРТРЕТУ ЛЕЙБНИЦА.

Когда вникаю я, какъ робкій ученикъ,
Въ твои спокойныя обдуманныя строки,
Я знаю—ты со мной! Я вижу строгій ликъ,
Я чутко слушаю великіе уроки.

О, Лейбницъ, о, мудрецъ, создатель вѣщихъ книгъ!
Ты—выше міра былъ, какъ древніе пророки.
Твой вѣкъ, дивясь тебѣ, пророчествъ не постигъ
И съ лестью смѣшивалъ безумные упреки.

Но ты не проклиналъ, и тайны отъ людей
Скрывая въ символахъ, училъ ихъ, какъ дѣтей.
Ты былъ ихъ дѣтскихъ сновъ заботливый хранитель.

А послѣ—буйный вѣкъ глумился надъ тобой,
И долго ждалъ ты часъ, назначенный судьбой...
И вотъ теперь встаешь, какъ Властный, какъ Учитель!

1897.

II.

КЪ ПОРТРЕТУ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА.

Ты намъ казался сумрачнымъ и властнымъ,
Безумной вспышкой непреклонныхъ силъ;
Но ты мечталъ объ ангельски-прекрасномъ,
Ты демонски-мятежное любилъ!

Ты никогда не могъ быть безучастнымъ,
Отъ гимновъ ты къ проклятіямъ спѣшилъ,
И въ жизни вѣрилъ всѣмъ мечтамъ напраснымъ:
Отвѣта ждалъ отъ женщинъ и могилъ!

Но не было отвѣта. И угрюмо
Ты затаилъ, о чемъ томилась дума,
И вышелъ къ намъ съ усмѣшкой на устахъ.

И мы тебя, поэтъ, не разгадали,
Не поняли младенческой печали
Въ твоихъ какъ будто кованыхъ стихахъ!

1900.

III.

НА СМЕРТЬ И. ЛЯЛЕЧКИНА.

Набѣгаютъ вечернія тѣни,
Погасаетъ сіянье за далью.
Облелѣянный тихой печалью,
Уронилъ я письмо на колѣни.

Облелѣянный тихой печалью,
Вспоминаю ненужныя грезы...
А въ душѣ осыпаются розы,
Погасаетъ сіянье за далью.

Да, въ душѣ осыпаются розы.
Милый братъ! ты звѣздой серебристой
Заблестѣлъ надъ тропинкой росистой,
Ты внушилъ намъ ненужныя грезы!

Милый братъ! ты звѣздой серебристой
Заблестѣлъ на ночномъ небосклонѣ,
Но предтечей безвѣстныхъ гармоній
Закатился за далью росистой.

Ты предтечей безвѣстныхъ гармоній
Тихо канулъ въ вечернія тѣни!
Уронилъ я письмо на колѣни,
Утонулъ я въ ночномъ небосклонѣ...

1898.

IV.

КЪ ПОРТРЕТУ К. Д. БАЛЬМОНТА.

Угрюмый обликъ, каторжника взоръ!
Съ тобой роднится вѣтокъ строй безсвязный,
Ты въ нашей жизни призракъ безобразный,
Но дерзко на нее глядишь въ упоръ.

Ты полюбилъ души своей соблазны,
Ты выбралъ путь, ведущій на позоръ;
И длится годы этотъ съ міромъ споръ,
И ты въ борьбѣ—какъ змѣй многообразный.

Бродя по мыслямъ и влачась по днямъ,
Съ тобой сходились мы къ однимъ огнямъ,
Какъ братья на пути къ запретнымъ странамъ,

Но я въ тебѣ люблю,—что весь ты ложь,
Что самъ не знаешь ты, куда пойдешь,
Что высоту считаешь самъ обманомъ.

1899.

V.

К. Д. БАЛЬМОНТУ.

Нѣтъ, я люблю тебя не яростной любовью,
Вскипающей, какъ ключъ въ безбрежности морской,
Не буду мстить тебѣ стальнымъ огнемъ и кровью,
Не буду ждать тебя, въ безмолвной тьмѣ,—съ тоской.

Плыви! вѣтрила ставь подъ влажнымъ вѣтромъ косо!
Ты правишь жадный бѣгъ туда, гдѣ міра грань,
А я иду къ снѣгамъ, на даль взглянуть съ утеса.
Мнѣ—строгія стези, ты—моремъ духъ тумань.

Но гребень горъ пройдя, ущелья дня и ночи,
И пьянъ отъ всѣхъ удачъ, и отъ паденій пьянъ,
Я къ морю выйду вновь, блеснетъ мнѣ пѣна въ очи,—
И въ Городъ я вступлю, въ столицу новыхъ странъ.

И тамъ на пристани я буду, въ часъ разсвѣтный,
— Душа умирена воскресшей тишиной—
Съ увѣренностью ждать тебя, какъ сонъ завѣтный,
И твой корабль пройдетъ покорно предо мной.

Мой образъ былъ въ тебѣ, душа глядѣлась въ душу,
Былое выше насъ—мы связаны—ты мой!
И будешь ты смотрѣть на эту даль, на сушу,
На городъ утренній, манящій полутьмой.

Твой парусъ проводивъ, опять дорогой встрѣчной,
Пойду я—странникъ дней—и замолчитъ вода.
Люблю я не тебя, а твой прообразъ вѣчный,
Гдѣ ты, мнѣ все равно, но ты со мной всегда!

1900.

VI.

ЮРГИСУ БАЛТРУШАЙТИСУ.

Ты былъ когда-то каменнымъ утесомъ,
Надъ моремъ ждалъ и видѣлъ глубину.
Цвѣты въ долинахъ отдавались росамъ,
Дрожала тьма, привѣтствуя луну.

Но ты былъ чуждъ отвѣтамъ и вопросамъ,
Равно встрѣчая зиму и весну,
И только коршунъ надъ твоимъ откосомъ
Порой кричалъ, роняя тѣнь въ волну.

И силой намъ невѣдомыхъ заклятій
Отъятый отъ своихъ стихійныхъ братій
Вотъ ты межъ насъ, былое позабывъ.

Но всѣ твои мечты—полны, какъ вѣчность,
Въ твоихъ словахъ—прибоя быстротечность,
И голосъ твой, какъ коршуна призывъ.

1900.

VII.

„ПРИЗРАКИ", КАРТИНА М. ДУРНОВА.

Это онѣ—соблазненныя!—
Въ часъ умиленій ночныхъ,
— Усыпленныя, полусонныя...
Не надо помнить объ нихъ.

Облака потянулись холодныя,
Птицъ таинственный рой,
Цвѣты раскрылись безплодные,
— Зелень ярка подъ горой.

Вамъ близки отжившіе, мертвые!
Дьяволы шепчутъ объ чемъ?
Это мечты,—мечты полустертыя
Въ одинокомъ, далекомъ быломъ.

1900.

VIII.

Г. Г. БАХМАНУ.

Вся красота тебѣ доступна!
Тебѣ ясна ея звѣзда:
И въ глубинѣ мечты преступной,
И въ безднахъ рабскаго труда.

Толпа безвѣстныхъ, безымянныхъ,
Покорно бившихъ о гранитъ,
Среди пустынь, какъ сонъ пространныхъ,
Воздвигла чудо пирамидъ.

И ты вступаешь въ сонмы черни,
Ея рѣчами говоря,
И славишь трудъ,—да суевѣрнѣй
Она привѣтствуетъ царя.

1899.

IX.

СЛУЧАЙНОЙ.

Одна изъ осужденныхъ жрицъ...
Chefs d'Œuvre.

Я люблю въ глазахъ оплывшихъ
И въ окованной улыбкѣ
Угадать черты любившихъ—
До безумья, до ошибки.

Прочитать въ ихъ лживыхъ ласкахъ,
Въ повторительныхъ движеньяхъ,
Какъ въ безсмертно-вѣрныхъ сказкахъ
О потерянныхъ томленьяхъ.

За безсиліемъ безстрастья,
Не обманутъ дѣтской ложью,
Чую ночи сладострастья,
Сны, пронизанные дрожью,

Чтя, какъ голосъ неслучайный,
Жажду смерти и зачатій,
Я люблю за отблескъ тайны
Сонъ заученныхъ объятій.

1899.

X.

ПАМЯТИ Е. И. П.

Мы встрѣтились съ нею въ пустынѣ,
Утромъ въ пустынѣ.
Солнце палило песокъ.
Торопливо шелъ я—на Западъ,
Она—на Востокъ.

Лицо ея, полное свѣтомъ,
Полное свѣтомъ,
Словно сіяло въ лучахъ;
И таились вѣщія тайны
Въ глубокихъ очахъ.

Надеждой сердце забилось,
Сердце забилось,
Вѣря, что мигъ тотъ высокъ...
И мы молча прошли, я—на Западъ,
Она—на Востокъ.

1897.

XI.

ЕЙ ЖЕ.

Огонь еще горитъ, и свѣтитъ, свѣтитъ намъ,—
А тѣни сѣрыя легли по сторонамъ
И чутко сторожатъ его невольный трепетъ.
Но не мерцаетъ онъ, и дрожь его, какъ лепетъ,
Какъ лепетъ медленный, какъ тихія слова.
Онъ шепчетъ свой завѣтъ предъ ликомъ Божества,
Онъ съ нами говоритъ, слабѣетъ, но сіяетъ,
И—свѣтлый, какъ всегда—покорно угасаетъ.

1897.

XII.

ПО ПОВОДУ СБОРНИКОВЪ „РУССКІЕ СИМВОЛИСТЫ".

Мнѣ помнятся и книги эти,
Какъ въ полуснѣ недавній день;
Мы были дерзки, были дѣти,
Намъ все казалось въ яркомъ свѣтѣ...
Теперь въ душѣ и тишь и тѣнь.
Далеко первая ступень.
Пять бѣглыхъ лѣтъ—какъ пять столѣтій.

1899.

XIII.

ПО ПОВОДУ „ME EUM ESSE".

„О, эти звенящія строки!
Ты самъ написалъ ихъ когда-то!"
— Звенящія строки далеки,
Какъ призракъ умершаго брата.

„О, вслушайся въ голосъ подруги!
Зову я къ восторгамъ безстрастья!"
— Я слышу, на радостномъ Югѣ
Гремятъ сладострастно запястья.

„Я жду, я томлюсь одиноко,
Мнѣ лучъ ни единый не свѣтитъ!"
— Твой голосъ далеко, далеко,
Тебѣ не могу я отвѣтить.

1900.

XIV.

КЪ САМОМУ СЕБѢ.

Я желалъ бы рѣкой извиваться
По широкимъ и сочнымъ лугамъ,
Въ камышахъ незамѣтно теряться,
Улыбаться небеснымъ огнямъ.

Обогнувъ стародавнія села,
Подремавъ у лѣсистыхъ холмовъ,
Раскатиться дорогой веселой
Къ молодой суетѣ городовъ.

И, поднявъ пароходы и барки,
Испытавъ и забавы, и трудъ,
Эти волны, свободны и ярки,
Въ безконечный просторъ потекутъ.

Но боюсь, что въ соленомъ просторѣ —
Только сонъ, только сонъ бытія!
Я хочу и по смерти, и въ морѣ
Сознавать свое вольное я!

1900.

КНИЖКА ДЛЯ ДѢТЕЙ.

I.

ЗЕЛЕНЫЙ ЧЕРВЯЧОКЪ.

Какъ завидна въ часъ унынiй
Жизнь зеленыхъ червячковъ,
Что̀ на легкой паутинѣ
Тихо падаютъ съ дубовъ!

Вѣтеръ ласково колышетъ
Нашу вѣющую нить;
Лугъ цвѣтами пестро вышитъ,
Зноя солнца не избыть.

Опускаясь, подымаясь,
Надъ цвѣтами мы одни,
Въ солнцѣ нѣжимся, купаясь,
Быстро мечемся въ тѣни.

Вихрь иль буря насъ погубятъ,
Смоетъ каждая гроза,
И на насъ охоту трубятъ
Птицъ пролетныхъ голоса.

Но, клонясь подъ дуновеньемъ,
Всѣ мы жаждемъ вѣтерка;
Мы живемъ однимъ мгновеньемъ,
Жизнь—свободна, смерть—легка.

Нынче—зноенъ полдень синій,
Глубь небесъ безъ облаковъ.
Мы на легкой паутинѣ
Тихо падаемъ съ дубовъ.

1900.

II.

КРАСНАЯ ШАПОЧКА.

Подражаніе Тристану Клингсору.

Красная шапочка! Красная шапочка!
Дѣвочка, что ты спѣшишь?
Видишь, порхаетъ за бабочкой бабочка,
Всюду и прелесть и тишь.

Что тамъ уложено въ этой корзиночкѣ?
— Яйца, и сыръ, и пирогъ...
Ахъ, по росѣ какъ промокли ботиночки,
Путь такъ далекъ, такъ далекъ!

Дѣвочка дальше бѣжитъ все поспѣшнѣе,
Волка боится она...
Кто на пригоркѣ сидитъ?—то нездѣшніе?
Ахъ, это самъ Сатана.

Въ шапку съ рогами и въ плащъ поизношенный
Онъ, словно нищій, одѣтъ.
Вотъ онъ навстрѣчу встаетъ и, непрошенный,
Ей говоритъ свой привѣтъ.

— „Ахъ, господинъ Сатана, вотъ вы видите:
Яйца здѣсь, сыръ и пирогъ.
Если сегодня меня не обидите,
На небо приметъ васъ Богъ."

— „Ну, покажи мнѣ дорогу, миньоночка!"
Поднялъ онъ руку свою,
Ножъ засверкалъ подъ сіяніемъ солнышка...
Дѣвочка! вотъ ты въ раю.

1898.

III.

ДОЗОРЪ.

Я слѣжу дозоромъ
Медленные дни.
Передъ пристальнымъ взоромъ
Свѣтлѣютъ они.

Люблю я березки
Въ Троицынъ день,
И пѣсенъ отголоски
Изъ ближнихъ деревень.

Люблю я шумъ безъ толку,
Когда блеститъ морозъ,
Въ огняхъ и въ искрахъ елку,
Часъ свершенныхъ грезъ.

И братскіе бокалы,
Счастье—новый годъ!
Вѣчно неусталый
Времени оборотъ.

Люблю я праздникъ чудный—
Воскресенье Христа.
Поцѣлуй обоюдный
Сближаетъ уста.

И дню Вознесенія
Стихи мои.
Дышитъ нѣга весенняя,
Но стихли ручьи.

Такъ слѣжу дозоромъ
Времени оборотъ.
Предъ пристальнымъ взоромъ
Прекрасенъ весь годъ.

1899.

IV.

РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО.

Онъ вошелъ къ Ней съ пальмовой вѣтвью
Сказалъ: „Благословенна Ты въ женахъ!“
И Она предъ радостной вѣстью
Покорно склонилась во прахъ.

Пастухи дремали въ пустынѣ,
Имъ явился ангелъ съ небесъ,
Сказалъ: „Исполнилось нынѣ!“
И они пришли въ Виѳлеемъ.

Радостью охваченъ великой,
Младенца воспріялъ Симеонъ:
—„Отпущаеши съ миромъ, Владыко,
Раба Твоего—это Онъ!“

Нѣкто, встрѣтивъ Филиппа,
Говоритъ: „Гряди по Мнѣ!“
И пошелъ рыбакъ Виѳсаиды
Проповѣдовать миръ землѣ.

Блаженны не зрѣвшіе,
Все сердцемъ понявшіе,
Въ восторгѣ сгорѣвшіе!
Какъ дѣти,

Тайну принявшіе!
Имъ поклоняюсь,
Въ ихъ свѣтѣ
Теряюсь.
Я, рабъ Господень,
Имъ да буду подобенъ.

1898.

V.

ПАСХА, ПРАЗДНИКАМЪ ПРАЗДНИКЪ.

Проклинайте молодость,
Осуждайте дѣвственность,—
Намъ въ порокѣ холодно,
Любимъ мы естественность:
Небо и воды,
Пещерные своды,
Все раздолье природы.

Не хотимъ мы радостей
Духа безтѣлеснаго;
Счастливы мы сладостью
Земного, извѣстнаго.
Мы любимъ сказки,
Заката краски,
Любовныя ласки.

О, дѣти заблудшія
Міра бездольнаго,
Что̀ въ мірѣ лучше
Звона колокольнаго̀
Въ туманной тѣни
Ночи весенней,
Въ часъ моленій?

1898.

VI.

ВЪ СТАРИННОМЪ ХРАМѢ.

Въ этой храминѣ тѣсной,
Подъ расписаннымъ сводомъ,
Сумракъ тайны небесной
Озаренъ предъ народомъ.

Въ свѣтѣ тихомъ и чистомъ,
Въ легкомъ дымѣ куреній,
Словно въ мірѣ лучистомъ,
Ходятъ ясныя тѣни.

Слышно дѣтское пѣнье,
Славословіе свѣтамъ,
Въ сладкой смѣнѣ моленій
Умиленнымъ отвѣтомъ.

А вдали въ полусвѣтѣ
Лики смотрятъ съ иконы,
Къ намъ глядятъ изъ столѣтій
Подъ священные звоны.

1899.

VII.

СЛѢПОЙ.

Люблю встрѣчать на улицѣ
Слѣпыхъ безъ провожатыхъ.
Я руку подаю имъ,
Веду межъ экипажей.

Люблю я предразлучное
Ихъ тихое спасибо;
Вслѣдъ спутнику минутному
Смотрю я долго, смутно.

И думаю, и думаю:
Куда онъ пробирается,
Къ племянницѣ ли, къ другу ли?
Его кто дожидается?

Пошелъ безъ провожатаго
Въ путину онъ далекую;
Не примутъ ли тамъ стараго
Съ обычными попреками?

И встрѣтится ль тебѣ, старикъ,
Бродяга вновь такой, какъ я же?
Иль заведетъ тебя шутникъ
И броситъ вдругъ межъ экипажей?

1899.

VIII.

МЫШИ.

Въ нашемъ домѣ мыши поселились,
И живутъ, живутъ!
Къ намъ привыкли, ходятъ, расхрабрились,
Видны тамъ и тутъ.

То клубкомъ катаются предъ нами,
То сидятъ, глядятъ;
Возятся безжалостно ночами,
По угламъ пищатъ.

Утромъ выйдешь въ залъ,—свѣчу объѣли,
Масло въ кладовой,
Что̀ поменьше утащили въ щели...
Караулъ! разбой!

Свалятъ банку, слѣдъ оставятъ въ тѣстѣ,
Ихъ проказъ не счесть...
Но такъ мило знать, что съ нами вмѣстѣ
Жизнь другая есть.

1899.

IX.

ДЕМОНЫ ПЫЛИ.

Есть демоны пыли,
Какъ демоны снѣга и свѣта.
Есть демоны пыли!
Ихъ одежда, багрянаго цвѣта,
Горитъ огнемъ.
Но сѣрымъ плащемъ
Они съ усмѣшкой ее закрыли.

Демоны пыли
На шкапахъ притаились, какъ звѣри,
Глаза закрыли.
Но едва распахнутся двери,
Они дрожатъ,
Дико глядятъ;
Взметнутся, качнутся демоны пыли.

Гдѣ они побѣдили,
Тамъ покой, тамъ сонъ, сновидѣнья,
Какъ въ обширной могилѣ.
Они дремлютъ, лежатъ безъ движенья,
Притаясь въ углу,
Не смотрятъ во мглу,
Но помнятъ сквозь сонъ, что они побѣдили.

О, демоны пыли!
Вы—владыки въ красочномъ мірѣ!
О, демоны пыли!
Ваша власть съ вѣками все шире!
Вашъ день придетъ,—
И все уснетъ
Подъ тихое вѣянье сѣрыхъ воскрылій.

1899.

X.

КОЛЯДА.

Баба-Яга.

Я Баба-Яга, костяная нога,
Гдѣ изъ меда рѣка, кисель берега,
Тамъ живу я вѣка—ага! ага!

Кощей.

Я безсмертный Кощей,
Сторожъ всякихъ вещей,
Вмѣсто каши да щей
Ѣмъ стрекозъ и мышей.

Солнце.

Люди добрые, солнцу красному,
Лику ясному,
Поклонитеся, улыбнитеся
Распрекрасному.

Утренняя звѣзда.

Пробудись, земля сыра!
Ночи минула пора!
Вышла солнцева сестра!

Мѣсяцъ.

Я по небу хожу,
Звѣзды всѣ стерегу,
Всѣ давно запримѣтилъ,
Самъ и зорокъ и свѣтелъ.

Звѣзды.

Мы звѣздочки, частыя,
Золотыя, глазастыя,
Мы пляшемъ, не плачемся,
За тучами прячемся.

Радуга.

Распустивъ волоса,
Разлеглась я, краса,
Словно путь-полоса
Отъ земли въ небеса.

Дѣдъ.

Мы пришли,
Козу привели,—
Людей веселить,
Орѣшки дробить,
Дѣтокъ пѣстовать,
Хозяевъ чествовать.

1900.

XI.

ДѢВОЧКА.

Что же ты плачешь,
Дѣвочка,—во снѣ?
Голову прячешь
На грудь ко мнѣ?

Ангелъ Божій
Любитъ, если смѣются.
На него похожи
Дѣти, когда проснутся.

Ты меня не узнала?
Прижмись ко мнѣ.
А что̀ тебя испугало,
Это было во снѣ.

1900.

XII.

УТРО.

Ночнымъ дождемъ повалена
Вся въ серебрѣ трава;
Но въ облакахъ проталина,
Живая синева.

Шагамъ песокъ промоченный
Даетъ пѣвучій скрипъ.
Какъ четки, какъ отточены
Верхи дубовъ и липъ!

Цвѣты, въ жару завялые,
Смѣются мнѣ въ глаза,
И съ пѣсней птицы малыя
Летятъ подъ небеса.

1900.

XIII.

ПРЕДЪ ГРОЗОЙ.

Въ мигъ предъ грозой набѣгающей трепетъ
Листья деревьевъ тревожитъ.
Вѣтеръ изъ облака образы лѣпитъ,
Формы чудесныя множитъ.

Пыль поднялась по широкой дорогѣ,
Громче смятеніе птичье.
Все на землѣ въ ожиданьи, въ тревогѣ.
Въ небѣ и блескъ, и величье.

Капель начальныхъ послышится лепетъ,
Воленъ, пѣвучъ, многовѣсенъ...
Въ мигъ предъ грозой набѣгающей трепетъ—
Это ль предчувствіе пѣсенъ?

1900.

ИЗЪ ДНЕВНИКА.

I.

ГЛАЗА.

На берегу Мерцающихъ Озеръ
Есть выступы. Одинъ зовутъ Проклятымъ.
Тамъ смотритъ изъ воды унылый взоръ.

Здѣсь входитъ въ волны узкая коса;
Пройди по ней до края предъ закатомъ,
И ты увидишь странные глаза.

Ихъ цвѣтъ зеленый, но свѣтлѣй воды,
Ихъ выраженье—смѣсь тоски и страха;
Они глядятъ весь вечеръ до звѣзды,

И, исчезая, вспыхиваютъ вдругъ
Безцвѣтнымъ блескомъ, какъ простая бляха.
Темнѣютъ воды; тускло все вокругъ.

И, возвращаясь сквозь ночной туманъ,
Дыша прибрежнымъ сильнымъ ароматомъ,
Ты склоненъ счесть видѣнье за обманъ.

Но не покинь Мерцающихъ Озеръ,
И по утру подъ выступомъ Проклятымъ
Ты вновь усмотришь неотступный взоръ.

1898.

II.

КЪ БОЛЬШОЙ МЕДВѢДИЦѢ.

Волшебница сѣверной ночи,
Большая Медвѣдица,—ты
Ласкаешь усталыя очи,
Смежаешь больныя мечты.

Въ часы увлекающей встрѣчи
Близка намъ царица луна,
Мы шепчемъ прерывныя рѣчи,
Мы жаждемъ безумнаго сна.

Но скукой смѣняется счастье,
Мы вновь безучастьемъ больны,
И страшенъ намъ зовъ сладострастья
Всегда опьяненной луны.

И въ трезвыя, жгучія ночи,
Когда такъ безсильны мечты,
Ласкаешь усталыя очи,
Большая Медвѣдица,—ты!

1898.

III.

ВЕЛИЧАНІЕ.

Величитъ душа моя Господа,
И духъ мой восторженно радостенъ!
Источникъ молитвы такъ сладостенъ,
Но дерзостнымъ нѣтъ къ нему доступа.

Сама я печатью таинственной
Колодецъ любви опечатала,
И ужасъ на днѣ его спрятала,
Мучительный ужасъ, единственный.

Я слышу потокъ его внутренній,
Но дерзостнымъ нѣтъ къ нему доступа,
И радостно славлю я Господа
Молитвой вечерней и утренней.

1898.

IV.

ТѢНИ ПРОШЛАГО.

Осенній скучный день. Отъ долгаго дождя
И камни мостовой и стѣны зданій сѣры;
Въ туманъ окутаны безжизненные скверы,
Сливаются въ одно и небо и земля.

Близка въ такіе дни волна небытія,
И нѣтъ въ моей душѣ ни дерзости, ни вѣры.
Мечтѣ не унестись въ живительныя сферы,
Несмѣло, какъ сквозь сонъ, стихи слагаю я.

Мнѣ снится прошлое. Въ видѣньяхъ полусонныхъ
Встаетъ забытый міръ и дней, и словъ, и лицъ.
Есть много свѣтлыхъ думъ, погибшихъ, погребенныхъ,—

Какъ странно вновь стоять у темныхъ ихъ гробницъ
И мертвыхъ заклинать безумными словами!
О, тѣни прошлаго, какъ властны вы надъ нами!

1898.

V.

ВИЛА.

Я тебѣ скажу, мой милый,
Что надъ нами вѣютъ силы:
Властны въ смѣнѣ впечатлѣній
Духи, демоны и тѣни.

Вѣдь душа людей—родникъ,
Гдѣ глядится, каждый мигъ,
Неизмѣнно новый ликъ,
Страненъ, воленъ и великъ.

Образъ женскій недоступный,
Призракъ дьявольскій преступный,
Старца взоръ невозмутимый,
Вѣдьмы, эльфы, херувимы.

Днемъ вы слѣпнете вполнѣ,
Смутно грезите во снѣ.
Жизнь—какъ отблескъ на волнѣ,
Нѣтъ волненья въ глубинѣ.

И въ тиши, всегда безстрастной,
Тайнѣ міра сопричастной,
Властны въ смѣнѣ отраженій
Духи, демоны и тѣни.

1899.

VI.

ЗВѢЗДА МОРЕЙ.

La mer sur qui prie
La Vierge Marie.
P. Verlaine.

И намъ показалось: мы близко отъ цѣли.
Вдругъ свѣтъ погасъ,
И вздрогнулъ корабль, и пучины взревѣли...
Нашъ пробилъ часъ.

И былъ я, безумный, проклятьемъ исполненъ,
Упавъ за бортъ,
И три дня носился по пѣнистымъ волнамъ,
Упрямъ и гордъ.

Но въ мигъ какъ свершались пути роковые
Судьбы моей,
Въ сіяньи предстала мнѣ Дѣва Марія,
Звѣзда морей.

1899.

VII.

КЪ МЕТАЛЛАМЪ.

Золото, убранство тайнаго ковчега,
Гдѣ хранятъ издревле благостныя мощи,
Золото, добыча хищнаго набѣга,
Золото, ты символъ сладострастной мощи,
И въ твоемъ сверканьи медленная нѣга.

Серебро сіяетъ тихо на иконѣ,
Мученицѣ юной покрываетъ плечи,
Серебро такъ ясно въ перелетномъ звонѣ,
Голосъ серебристый мнѣ звучалъ предтечей
Прежде недоступныхъ сладостныхъ гармоній.

И люблю я бронзу: сумрачныя тѣни
Томной баядерки въ роскоши вечерней.
Въ твердости изгибовъ столько легкой лѣни,
Отблески такъ чисты на холодной черни!
Да, люблю я въ бронзѣ тайну отраженій.

Но не эти тѣни дороги въ металлѣ!
Не сравню ихъ блестки я съ кинжальнымъ блескомъ!
Змѣи рѣзкихъ молній быстро засверкали,
Я прильнулъ, ревнивый, къ бѣлымъ занавѣскамъ...
Ты—моя надежда, мщенье вѣрной стали!

1899.

VIII.

ЗА ПРЕДѢЛАМИ СКАЗОКЪ.

Они сошлись въ дубравѣ дикой,
Они столкнулись въ лѣтній день,
Гдѣ лугъ, поросшій повиликой,
Огородила сосенъ тѣнь.

Она, смѣясь, въ притворномъ страхѣ,
На мягкій мохъ упала вдругъ;
Любовь и страсть была въ размахѣ
Высоко приподнятыхъ рукъ.

Онъ къ ней припалъ съ веселымъ крикомъ,
Въ борьбѣ порвалъ ей волоса...
Пронзительно въ молчаньи дикомъ
Ихъ раздавались голоса.

1899.

IX.

Я вѣрю всегдашнимъ случайностямъ,
Слѣжу, любопытствуя, миги.
Такъ сладко довѣриться крайностямъ,
Вертепы мѣнять на вериги.

Раздумья свободно качаются,
Покорны и рады мгновенью;
И жизнями жизни смѣняются...
Дѣйствительность кажется тѣнью.

Я быть не желаю властителемъ
Судьбы, подчинившейся мѣрѣ.
Иду я по звѣзднымъ обителямъ,
Вскрывая безвѣстныя двери.

Всѣ дни направляются случаемъ,—
Могу упиваться я всѣми,—
И ночи подобны созвучіямъ
Въ одной безпредѣльной поэмѣ.

1900.

X.

Люблю въ осенній день несмѣлый
Листвы сквозящей слушать плачъ,
Вступая въ міръ осиротѣлый
Пустынныхъ и закрытыхъ дачъ.

Забиты досками террасы,
И взоръ оконныхъ стеколъ слѣпъ,
Въ садахъ разломаны прикрасы,
Лишь погребъ пріоткрытъ, какъ склепъ.

Смотрю я въ парки дачъ сосѣднихъ,
Вотъ листья вѣтромъ взметены
И трепеты стрекозъ послѣднихъ,
Какъ смерть вѣщающіе сны.

Я вѣрю: въ дни, когда всецѣло
Нашъ міръ привѣтитъ свой конецъ,
Такъ въ сонъ столицы опустѣлой
Войдетъ невѣдомый пришлецъ.

1900.

XI.

ПѢСНЯ.

Мнѣ поется у колодца,
Позабытъ кувшинъ.
Голосъ громко раздается
Въ глубинѣ долинъ.

Приходи, мой другъ желанный!
Вотъ тебя я жду.
Травы—одръ благоуханный,
Въ скалахъ гротъ найду.

Нѣтъ, никто, никто донынѣ
Не ласкалъ меня!
Грудь и плечи, какъ святыни,
Охраняла я.

День насталъ. Иди, желанный!
Кто ты—знаетъ Богъ!
Травы—одръ благоуханный,
Мягокъ сѣрый мохъ.

Оплету, вотъ такъ, я руки,—
Спи между грудей.
Вечеръ. Гаснутъ, гаснутъ звуки.
Гдѣ ты, сынъ полей?

Жду кого-то у колодца;
Позабытъ кувшинъ;
Пѣсня громко отдается
Въ тишинѣ долинъ.

1900.

XII.

ПАПОРОТНИКЪ.

Предвечерній часъ объемлетъ
Окружающій орѣшникъ.
Чутко папоротникъ дремлетъ,
Гдѣ-то крикнулъ пересмѣшникъ.

Въ этихъ листьяхъ слишкомъ внѣшнихъ,
Въ ихъ точеномъ очертаньи,
Что-то есть міровъ нездѣшнихъ...
Сталъ я въ странномъ содроганьи.

И на мигъ въ глубинахъ духа
(Тамъ, гдѣ ужасъ многоликій)
Проскользнулъ безвольно, глухо
Трепетъ жизни жалкой, дикой.

Словно вдругъ стволами къ тучамъ
Выросъ папоротникъ мощный.
Я бѣгу по мшистымъ кучамъ...
Боръ не тронутъ, часъ полнощный.

Страшны люди, страшны звѣри,
Скалятъ пасти, копья точатъ.
Всѣ видѣнья всѣхъ повѣрій
По кустамъ кругомъ хохочутъ.

Въ сердцѣ ужасъ многоликій...
Какъ онъ живъ въ глубинахъ духа?
Обликъ жизни жалкой, дикой
Закивалъ мнѣ, какъ старуха.

Предвечерній часъ объемлетъ
Окружающій орѣшникъ.
Небо древнимъ тайнамъ внемлетъ,
Гдѣ-то крикнулъ пересмѣшникъ.

1900.

XIII.

ЖИЗНЬ.

Подобна жизнь огнямъ потѣшнымъ,
Раскрасившимъ пустую тѣнь.
Они сіяютъ пляскамъ грѣшнымъ,
Но зажжены въ Успеньевъ день.

Поютъ псалмы о смерти близкой
И славятъ первую изъ дѣвъ,—
А мы мѣняемся запиской,
Обѣты прежніе презрѣвъ.

Но будетъ ночь свиданья краткой,
И глянетъ блѣдный свѣтъ утра,
И смерть предстанетъ намъ съ разгадкой
И броситъ вѣчное „пора!“

А тамъ, гдѣ цвѣлъ огонь потѣшный,
Одни фонарики дрожатъ,
И два садовника поспѣшно
Пустынный подметаютъ садъ.

1900.

ПРОЗРѢНІЯ.

I.

ВЪ НЕКОНЧЕННОМЪ ЗДАНІИ.

Мы бродимъ въ неконченномъ зданіи
По шаткимъ, дрожащимъ лѣсамъ,
Въ какомъ-то тупомъ ожиданіи,
Не вѣря вечернимъ часамъ.

Безсвязныя, странныя лопасти
Намъ путь отрѣзаютъ... мы ждемъ.
Мы видимъ бездонныя пропасти
За нашимъ невѣрнымъ путемъ.

Оконныя встрѣтивъ пробоины,
Мы робко въ пространства глядимъ:
Надъ крышами крыши надстроены,
Безмолвіе, холодъ и дымъ.

Намъ страшны размѣры громадные
Безвѣстной растущей тюрьмы.
Надъ безднами, жалкіе, жадные,
Стоимъ, зачарованы, мы.

Но первыя плотныя лѣстницы,
Ведущія къ балкамъ, во мракъ,
Встаютъ какъ безмолвныя вѣстницы,
Встаютъ какъ таинственный знакъ!

Здѣсь будутъ проходы и комнаты!
Всѣ стѣны задвинутся сплошь!
О, думы упорныя, вспомните!
Вы только забыли чертежъ!

Свершится, что вами замыслено,
Громада до неба взойдетъ
И въ глуби, разумно расчисленной,
Замкнетъ человѣческій родъ.

И вотъ почему — въ ожиданіи
Не вѣримъ мы темнымъ часамъ:
Мы бродимъ въ неконченномъ зданіи,
Мы бродимъ по шаткимъ лѣсамъ!

1900.

II.

ВЪ ДНИ ЗАПУСТѢНІЙ.

Пріидутъ дни послѣднихъ запустѣній.
Земныя силы оскудѣютъ вдругъ;
Уйдутъ остатки жалкихъ поколѣній
Къ теплу и солнцу, на далекій Югъ.

А наши башни, города, твердыни
Постигнетъ голосъ страшнаго суда,
Побѣдный свѣтъ не заблеститъ въ пустынѣ,
Въ ней не взгремятъ по рельсамъ поѣзда.

Въ плющѣ померкнутъ зодчаго затѣи,
Исчезнутъ камни подъ ковромъ травы,
На площадяхъ плодиться будутъ змѣи,
Въ дворцовыхъ залахъ поселятся львы.

Но въ эти дни послѣднихъ запустѣній
Возникнетъ—знаю!—межъ людей смѣльчакъ.
Онъ потревожитъ гордый сонъ строеній,
Нарушитъ свѣтомъ ихъ безмолвный мракъ.

На мшистыхъ улицахъ заслышатъ звѣри
Людскую поступь въ ясной тишинѣ,
Въ домахъ застонутъ, растворяясь, двери,
Рядъ изваяній встанетъ при огнѣ.

Прочтя названья торжищъ и святилищъ,
Узнавъ по надписямъ за ликомъ ликъ,
Пришлецъ проникнетъ въ глубь книгохранилищъ,
Откроетъ тайны древнихъ, нашихъ, книгъ.

И дни и ночи будетъ онъ въ тревогѣ
Впивать вѣщанья, скрытыя въ пыли,
Исканья истины, мечты о Богѣ,
И пѣсни, гимны сладостямъ земли.

Желанный другъ невѣдомыхъ столѣтій!
Ты весь дрожишь, ты потрясенъ былымъ!
Внемли же мнѣ, о, слушай строки эти:
Я былъ, я мыслилъ, я прошелъ какъ дымъ...

1899.

III.

БРАНЬ НАРОДОВЪ.

Брань народовъ не утихнетъ
Вплоть до дня, когда придетъ
Власть имѣющій Антихристъ—
Соблазнять лукавый родъ.

Возопитъ онъ гласомъ громкимъ:
„Славьте! дьяволъ побѣдилъ!
Гдѣ вы, вѣрные потомки
Отступившихъ древле силъ?“

И на зовъ повыйдутъ люди
Ото всѣхъ семи границъ.
Говоря,—„мы вѣрны будемъ“,
Предъ царемъ поникнутъ ницъ.

Царь, во лжи многообразный,
Свергнетъ пышности порфиръ,
Въ мірѣ къ вящему соблазну
Установитъ вѣчный миръ.

И когда тѣмъ ѣдкимъ ядомъ
Помутится жизнь до дна,
Вдругъ, возставъ въ глубокомъ адѣ,
Восхохочетъ Сатана.

Дико дьяволы завторятъ,
И изъ дебрей синихъ горъ,
Какъ лучи надъ темнымъ моремъ,
Выйдетъ праведниковъ хоръ.

А для грѣшныхъ ярче вспыхнетъ
Въ преисподней столпъ огня...
Брань народовъ не утихнетъ
Вплоть до сказаннаго дня.

1899.

IV.

БРАТЬЯМЪ СОБЛАЗНЕННЫМЪ.

Свѣтлымъ облакомъ плѣненные,
Долго мы смотрѣли вслѣдъ.
Полно, братья соблазненные!
Это только бѣглый свѣтъ.

Развѣ есть предѣлъ мечтателямъ?
Развѣ цѣль намъ суждена?
Назовемъ того предателемъ,
Кто намъ скажетъ—здѣсь она!

Развѣ рѣдко въ прошломъ ставили
Мертвый идолъ Красоты?
Но одни лишь мы прославили
Бога жажды и мечты!

Подымайте, братья, посохи,
Дальше, дальше, какъ и шли!
Паруса развѣйте въ воздухѣ,
Дерзко правьте корабли!

Жизнь не счастье, но томленія,
Но прозрѣнья, но борьба.
Все впередъ—отъ возрожденія
Къ возрожденью, сквозь гроба!

1899.

V.

Каждый мигъ есть чудо и безумье,
Каждый трепетъ непонятенъ мнѣ,
Всѣ запутаны пути раздумья,
Какъ узнать, что̀ въ жизни, что̀ во снѣ?

Этотъ міръ двояко безконеченъ,
Въ тайнахъ духа—образъ мой исчезъ;
Но такой же тайной разумъ встрѣченъ,
Лишь взгляну я въ тишину небесъ.

Каждый камень можетъ быть чудесенъ,
Если жить въ медлительной тюрьмѣ;
Всѣ слова людьми забытыхъ пѣсенъ
Свѣтятъ таинствомъ порой въ умѣ.

Но влечетъ на ярый бой со всѣми
Къ жизни, къ смерти—жадная мечта!
Сладко быть на тронѣ, въ діадемѣ,
И лобзать покорныя уста.

Мы на всѣхъ путяхъ дойдемъ до чуда!
Этотъ міръ—иного міра тѣнь.
Эти думы внушены оттуда,
Эти строки—первая ступень.

1900.

VI.

УСТОИ.

Разсудка вѣчные устои
Влегли въ недремлющую грудь,
И въ жаждѣ вѣдать неземное
Ты долженъ горы пошатнуть.

Кто безъ руля въ пучинахъ плавалъ,
Вѣтриломъ вѣтры всѣ ловилъ,
Тому предстанетъ блѣдный Дьяволъ
Съ толпами разъяренныхъ силъ.

Сквозь бѣшенство, и вопль, и скрежетъ
Онъ къ синимъ молніямъ влечетъ,
Но этотъ свѣтъ минутно нѣжитъ,
И вновь кипитъ круговоротъ!

Цѣной нарушенныхъ согласій,
Цѣной и мукъ и слѣпоты,
Лишь проблескъ въ безпокойномъ часѣ,
Мгновенье покупаешь ты.

Но кто готовъ отвергнуть миги
И ждать десятки строгихъ лѣтъ,—
Надѣнь кровавыя вериги,
Скажи молитвенный обѣтъ.

И, чутокъ къ углубленной вѣрѣ,
Вдругъ колыхнетъ, лаская слухъ,
Въ завѣтный часъ въ твоей пещерѣ
Струю эѳира Свѣтлый Духъ.

И глянешь ты смѣлѣй и зорче
За тьму завѣсъ, что онъ расторгъ,
Чѣмъ тотъ, кто вѣдалъ смѣхъ, и корчи,
И пиѳій яростный восторгъ.

1900.

VII.

ПРОБЛЕСКЪ.

Какъ то предвидѣлъ духъ и Даніилъ предрекъ.
Ѳ. Тютчевъ.

Востокъ и Западъ, хитрый Змѣй и Левъ,
Ведутъ борьбу издревле, вѣкъ за вѣкомъ.
То скрытный ковъ, то справедливый гнѣвъ
Возносятъ стягъ предъ робкимъ человѣкомъ.

Вотъ, собраны подъ знаменьемъ Креста,
На Западѣ роятся ополченья,
И папской власти высится мечта,
И цѣпи міровой куются звенья.

А на Востокѣ буйствуетъ гроза,
Ликуютъ орды турокъ и Батыя,
И Русь бѣжитъ за рѣки и въ лѣса,
И въ тяжкой брани никнетъ Византія...

Но міръ мѣняютъ тайны быстрыхъ лѣтъ.
Чу! не мечи стучатъ,—то громъ орудій!
За океаномъ вскрылся Новый Свѣтъ,
И надъ Крестомъ смѣются буйно люди!

А на Востокѣ вновь встаетъ колоссъ,
Безвѣстный, грозный, странно-неизмѣнный...
И, какъ предвѣстье новыхъ страшныхъ грозъ,
Свой скиптръ съ Крестомъ возноситъ надъ вселенной.

Творятся чудеса недавнихъ дней,
Для трезвой мысли тѣмъ чуднѣй, чѣмъ ближе:
То франкъ въ Москвѣ-рѣкѣ поитъ коней,
То русскій царь вершитъ судьбу въ Парижѣ.

За дикимъ сномъ мятущихся вѣковъ,
За яркой смѣной дерзостныхъ событій,
Какъ взору разглядѣть канву основъ,
Тѣ бѣлыя натянутыя нити?

Кто угадаетъ роковой узоръ,
Причудливый, живой, необычайный?
Кто смѣло скажетъ, что оконченъ споръ,
Все рѣшено и быть не можетъ тайны?

И Змѣй и Левъ, среди равнинъ и рѣкъ,
Ужель отнынѣ мирно лягутъ рядомъ?
Но Духъ предвидѣлъ, Даніилъ предрекъ:
Славянскій стягъ зарѣетъ надъ Царьградомъ!

1900.

VIII.

ОТРАДЫ.

Знаю я сладкихъ четыре отрады.
Первая—радость въ сознаніи жить.
Птицы, и тучи, и призраки—рады,
Рады на мигъ и для вѣчности быть.

Радость вторая—въ огняхъ лучезарна!
Строфы поэзіи—смыслъ бытія.
Тютчева пѣсни и думы Верхарна,
Васъ,—поклоняясь,—привѣтствую я.

Третій восторгъ—то восторгъ быть любимымъ,
Вѣдать безсмѣнно, что ты не одинъ.
Связаны, скованы словомъ незримымъ,
Двое летимъ мы надъ страхомъ глубинъ.

Радость послѣдняя—радость предчувствій,
Знать, что за смертью есть міръ бытія.
Сны совершенства! въ мечтахъ и въ искусствѣ
Васъ,—поклоняясь,—привѣтствую я.

Радостей въ мірѣ таинственно много,
Сладостна жизнь отъ конца до конца.
Эти восторги—предвѣстіе Бога,
Это—молитва на лонѣ Отца.

1900.

МЫ.

I.

— Мы. —

Въ мірѣ широкомъ, въ мірѣ шумящемъ
Мы—гребень встающей волны.
Странно и сладко жить настоящимъ,
Предчувствіемъ пѣсни полны.

Радуйтесь, братья, вѣрнымъ побѣдамъ!
Смотрите на даль съ вышины!
Намъ чуждо сомнѣнье, намъ трепетъ невѣдомъ,—
Мы—гребень встающей волны.

1899.

II.

Я ЗНАЮ...

К. Д. Бальмонту.

Я знаю бѣглость Ночи и Зимы,
Молюсь увѣренно Зарѣ и Маю.
Что въ будущемъ восторжествуемъ мы,
Я знаю.

Я въ человѣкѣ Бога прозрѣваю.
Разсѣется при свѣтѣ сонъ тюрьмы,
И міръ дойдетъ къ предсказанному раю.

Не страшно мнѣ и царство нашей тьмы:
Въ немъ чью-то близость духомъ постигаю.
Я въ безднахъ не одинъ!—что двое мы,
Я знаю!

1898.

III.

ЛЮЦИФЕРЪ.

Я — первый, до вѣка возставшій,
Возставшій до начала вѣковъ
Я — первую заповѣдь давшій:
Есть много боговъ.

О, будемте всѣ, какъ боги,
Познавши добро и зло.
Къ совершенству путей есть много,
Ихъ безмѣрно число.

Я началъ для всѣхъ борьбу роковую,
За свободу идетъ борьба;
Побѣдитель, за васъ о побѣдѣ тоскую,
И тутъ не властна судьба.

1898

IV.

ЗАЛОГЪ.

Къ намъ немного доходитъ изъ прошлаго міра,
Изъ минувшихъ столѣтій,—немного именъ;
Только рѣдкія души, какъ лучъ Алтаира,
Какъ звѣзда, намъ сіяютъ изъ бездны временъ.

И проходятъ, проходятъ, какъ волны, какъ тѣни,
Безконечно проходятъ вѣка бытія...
Сколько слезъ, и желаній, и думъ, и стремленій!
Милліоны погибшихъ, исчезнувшихъ „я"!

Одинокимъ мнѣ видится образъ Гомера,
Одинокимъ сверкаетъ съ небесъ Алтаиръ...
Но въ мечтахъ предо мной—неизвѣстная сфера
И близъ яркой звѣзды умирающій міръ.

1898.

V.

CORONA.

Тайны, что̀ смутно свѣтятся,
Знакомъ завѣтнымъ отмѣтятся.

Придутъ побѣдители воины,
Будутъ ихъ силы утроены.

Погаснетъ безвольное, старое...
Истина скажетъ намъ: „да̀рую!“

Плачьте въ предчувствіи новаго,
Украшайте вѣнцами головы:

Знакомъ великимъ отмѣтится
Все, что̀ въ туманѣ намъ свѣтится.

1898.

VI.

ЖЕРНОВА.

Брошенъ вѣялкой на холодъ.
Жерновами тяжко смолотъ,
Мертвый колосъ возрожденъ.
Но остался прахъ зыбучій.
Онъ летитъ безкрылой тучей,
Заслоняя небосклонъ.

И стучатъ, стучатъ, не станутъ,
Словно стихнувъ, лишь обманутъ,
Не устанутъ жернова;
Неизмѣнно мелютъ, мелютъ,
И струю слоями стелютъ,
И она опять жива.

А вдали, подъ свѣтомъ неба,
Отдѣляютъ прахъ отъ хлѣба,
Вышли вѣять на гумно.
Пусть познаетъ обновленье,
Въ смерти вкуситъ возрожденье
Только полное зерно!

1898.

VII.

ДУХИ ЗЕМЛИ.

Со всѣми мы братья,
Всѣмъ открыли объятья,
Звѣрямъ, и тучамъ,
И тѣнямъ летучимъ.
Всѣхъ любимъ, всѣмъ вѣримъ,
Смѣемся потерямъ,
И взоромъ незрячимъ
Лишь надъ вымысломъ плачемъ.

Смолкъ птичій голосъ,
Не шелохнется колосъ,
Запахло осокой,
Солнце высоко,
Мы дремлемъ въ покоѣ,
Купаемся въ зноѣ.

Вѣтерокъ встрепенется,
Лѣсъ шелохнется,
Всѣ звуки мы слышимъ,
Цвѣтами дышимъ,
Съ нами дружны грозы,
Небесныя слезы.

Поемъ мы съ моремъ,
Ласкаемся къ зорямъ,
Въ холодѣ снѣга
Для насъ есть нѣга,
— И только людямъ
Друзьями не будемъ,
И только въ городъ
Не глянемъ и взоромъ!

1898.

VIII.

ЗОЛОТО.

Avec un peu de soleil et du sable blond
J'ai fait de l'or.

Fr. Vielé Griffin.

Золото сдѣлалъ я, золото—
Изъ солнца и горсти песку.
Тайна не стоила дорого,
Какъ игра смѣшна старику.
Падалъ песокъ изъ рукъ у меня,
Тихо звеня,
Въ волны ручья.
Ручей ускользалъ какъ змѣя,
Дрожа отъ вѣтра и холода...
Золото сдѣлалъ я, золото!

Изъ пшеницы бѣлѣющей сдѣлалъ я снѣгъ,
Снѣгъ и декабрьскую вьюгу,
Саней заметаемый бѣгъ,
Дѣвушки радостный смѣхъ
И близость къ желанному другу.
Я сдѣлалъ снѣгъ,
Какъ сдѣлалъ золото;
Я сдѣлалъ вьюгу, счастье холода;
Во мглѣ властительныхъ снѣговъ—
Воспоминанія цвѣтовъ.
Я сдѣлалъ снѣгъ
Изъ лепестковъ.

Изъ жизни медленной и вялой
Я сдѣлалъ трепетъ безъ конца.
Міръ созданъ волей мудреца:
И первый свѣтъ зелено-алый,
И волнъ встающіе кристаллы,
И тѣни страстнаго лица!
Какъ всѣ слова необычайны,
Такъ каждый мигъ исполненъ тайны.
Изъ жизни блѣдной и случайной
Я сдѣлалъ трепетъ безъ конца!

1899.

IX.

Безмолвные свидѣтели
Вечернихъ сожалѣній,
Меня перстомъ отмѣтили
Собравшіяся тѣни.

Отвергнуты, обмануты,
Растоптаны, добиты,
Но всѣ вы упомянуты
И всѣ съ мечтами слиты.

И слезы—не отчаянье!
И стонъ—не символъ мщенья!
О, благостное чаянье
Всемірнаго прощенья!

1899.

X.

ЕЩЕ „МЫ".

Мы только стонъ у вѣчной грани,
Больныя судороги рукъ.
Послѣдній трепетъ содроганій
Въ часы неотвратимыхъ мукъ.

Всѣ наши думы, грезы, пѣни—
То близкихъ сдержанная рѣчь,
Узоры пышныхъ облаченій
И дымы похоронныхъ свѣчъ.

Что намъ полно лиховать ошибкой!
Въ испугѣ не закроемъ глазъ
О братья,—слушайте съ улыбкой:
Поютъ отходную по насъ.

1899.

XI.

Поклоняются многіе мнѣ
Въ часы вечерніе,
Но молитвы къ блѣдной лунѣ
Еще размѣрнѣе!

Женщины, лаская меня,
Трепетали отъ счастія,
Но искали онѣ—знаю я—
И сладострастія.

Ѳиміамъ, дѣлимый съ другимъ,
Дышитъ обидою.
О сумракъ! о волны! о дымъ!
Вамъ завидую.

Уступить даже проклятья и смѣхъ—
Нарушеніе цѣльности.
Я хочу быть единымъ для всѣхъ
Въ безпредѣльности.

1899.

XII.

Съ неустанными молитвами,
Повторяемыми вслухъ,
Прохожу я между битвами,
Ускользающій, какъ духъ.

Отъ своихъ друзей отторженный,
Предвѣщаю я вѣнцы;
И на голосъ мой восторженный
Откликаются бойцы.

Но настанетъ мигъ—я вѣдаю—
Побѣдятъ мои друзья,
И надъ жалкой ихъ побѣдою
Засмѣюся первымъ—я.

1899.

XIII.

Случайность и намѣренность—
Ихъ разумъ раздѣлилъ,
Не вѣрю я въ увѣренность
И въ силу нашихъ силъ.

Творимъ мы волю Божію,
Намѣренья Судьбы,—
Идемъ по бездорожію
Въ оковахъ, какъ рабы.

Но жажда совершеннаго—
Величія залогъ.
Мы выше міра тлѣннаго,
И въ нашихъ душахъ—Богъ.

1900.

ЛИРИЧЕСКІЯ ПОЭМЫ.

I.

КРАСКИ.

Я сегодня нашелъ свои старыя краски.
Какъ часто взглядъ на забытый предметъ
Возвращаетъ все обаянье ускользнувшихъ лѣтъ!
Я сегодня нашелъ мои дѣтскія краски...
И странный отрокъ незванно ко мнѣ вошелъ
И противъ меня увѣренно сѣлъ за столъ,
Досталъ, торопясь, тяжелую тетрадь...
Я ее не могъ не узнать:
То были мои забытыя, дѣтскія сказки!

Тогда я съ нимъ заговорилъ; онъ вздрогнулъ, посмотрѣлъ,
(Меня не видѣлъ онъ,—я былъ для него привидѣньемъ)
Но черезъ мигъ смущенья онъ собой овладѣлъ
И ждалъ, что̀ будетъ, съ простымъ удивленьемъ.
Я сказалъ: „Послушай! я тебя узнаю.
Ты—это я, я—это ты, лѣтъ черезъ десять...“
Онъ засмѣялся и прервалъ: „Я шутокъ не люблю!
Я знаю лишь то, что̀ можно измѣрить и взвѣсить.
Ты—обманъ слуха, не вѣрю въ дѣйствительность твою!“

Съ нѣкоторымъ гнѣвомъ, съ невольной печалью
Я возразилъ: „О, глупый! тебѣ пятнадцать лѣтъ.
Года черезъ три ты будешь бредить безвѣстной далью,
Любить непонятное, стремиться къ тому, чего нѣтъ.
Вселенная жива лишь духомъ единымъ и чистымъ,
Матерія призракъ, наше знаніе—сонъ...“

О Боже, какъ искренно надо мной разсмѣялся онъ,
И я вспомнилъ, что былъ матерьялистомъ и позитивистомъ.

И онъ мнѣ отвѣтилъ: „О, устарѣлыя бредни!
Я не вѣрю въ духъ и не хожу къ обѣднѣ!
Кто мыслитъ, пусть честно служитъ наукѣ!
Наука голова, а искусство руки!"
— „Безумецъ! воскликнулъ я, знай что ты будешь вѣрить!
Будешь молиться и плакать предъ Знакомъ Креста,
Любить лишь то, гдѣ свѣтитъ живая мечта,
И все проклянешь, что̀ можно вѣсить и мѣрить!"

„Не думаю, возразилъ онъ, мнѣ ясна моя цѣль.
Я, навѣрно, не стану пѣть цвѣты, подобно Фету.
Я люблю точное знаніе, презираю свирѣль,
Огюстъ Контъ навсегда указалъ дорогу поэту!"
— „Но, другъ, промолвилъ я, такой ли теперь часъ?
Отъ условностей люди стремятся къ новому свѣту!
Тебѣ ли вновь повторять, что сказано тысячу разъ!
Пойми тайны души! стань кудесникомъ, магомъ..."
— „Ну, нѣтъ, онъ вскричалъ, я не хочу остаться за флагомъ!"

— „Что за выраженія! ахъ да! ты любишь спортъ...
Все подобное надо оставить! стыдись, будь же гордъ!"
— „Я—гордъ,—онъ воскликнулъ,—свое значенье я знаю.
Выступаю смѣло, не уступлю въ борьбѣ!
Куда-бъ ни пришелъ я, даже еслибъ къ тебѣ,
Приду по вѣнкамъ!—я ихъ во мглѣ различаю!"

И ему возразилъ я печально и строго:
„Путь далекъ отъ тебя ко мнѣ,
Много надеждъ погибнетъ угрюмой дорогой,
Изъ упованій уступишь ты, ахъ, много! много!
О, прошлое! О, юность! кто не молился веснѣ!"

И онъ мнѣ:—„Нѣтъ! Что рѣшено, то неизмѣнно!
Не уступлю ничего! пойду своимъ путемъ!
Жаловаться позорно, раскаянье презрѣнно,
Дважды жалокъ тотъ, кто плачетъ о быломъ!“

Онъ стоялъ предо мной и увѣренъ и смѣлъ,
Онъ не видѣлъ меня, хоть на меня онъ смотрѣлъ,
А еслибъ увидѣлъ, отвѣтилъ презрѣньемъ.
Я—утомленный! Я—измѣненный! Я—побѣжденный судьбой,
Вотъ я стою передъ нимъ, вотъ я стою предъ собой.
Да! въ этотъ вечерній часъ я самъ къ себѣ пришелъ
привидѣньемъ...

И медленно, медленно образъ погасъ,
И годы надвинулись, словно знакомыя маски.
Часы на стѣнѣ спокойно пробили часъ...
Я придвинулъ къ себѣ мои старыя, дѣтскія краски.

1898.

II.

СКАЗАНІЕ О РАЗБОЙНИКѢ.

Изъ Пролога.

Начинается пѣсня недлинная,
О Петрѣ, великомъ разбойникѣ.

Былъ тотъ Петръ разбойникомъ тридцать лѣтъ,
Межъ товарищей почитался набольшимъ,
Грабилъ поѣзда купецкіе,
Дѣлывалъ дѣла молодецкія.
Ни старцевъ не щадилъ, ни младенцевъ.

Въ той же странѣ случился монастырь святой,
На высокой горѣ, на отвѣсной,
— Межъ землей и небомъ виситъ, —
Ни откуда къ монастырю нѣтъ доступа.

Говоритъ тутъ Петръ товарищамъ:
— „Одѣвайте меня въ платье монашеское.
Пойду, постучусь перехожимъ странникомъ,
Ночью вамъ ворота отопру,
Ночью васъ на грабежъ поведу,
Гей вы, товарищи, буйные да вольные!"

Одѣвали его въ платье монашеское,
Постучался онъ странникомъ подъ воротами.
Впустили его дѣвы праведныя,
Обласкали его сестры добрыя,
Омыли ноги водицею,
Приготовили страннику трапезу.

Сидитъ разбойникъ за трапезой,
Ласкѣ-любви сестеръ удивляется,
Праведными помыслами ихъ смущается,
Что̀ отвѣчать, что̀ говорить—не знаетъ.

А сестры близъ въ горенкѣ собирались,
Говорили межъ собой такія слова:
— „Видно гость-то нашъ святой человѣкъ,
Такое у него лицо просвѣтленное,
Такія у него рѣчи проникновенныя.
Мы омыли ему ноги водицею,
А есть у насъ сестра слѣпенькая.
Не омыть ли ей зракъ той водицею?“

Призывали они сестру слѣпенькую,
Омывали ей зракъ той водицею, —
И прозрѣла сестра слѣпенькая.
Тутъ всѣ бѣжали въ горенку сосѣднюю,
Падали въ ноги всѣ предъ разбойникомъ,
Благодарили за чудо великое.

У разбойника душа смутилася,
Возмутилася ужасомъ и трепетомъ.
Творилъ и онъ—земной поклонъ,
Земной поклонъ передъ Господомъ.
— „Былъ я, Господи, великимъ грѣшникомъ,
Примешь ли Ты мое покаяніе!“

Тутъ и кончилась пѣсня недолгая.
Сталъ разбойникъ подвижникомъ,
Надѣлъ вериги тяжелыя,
По всей землѣ прославился подвигами.
А когда со святыми преставился, —
Мощи его и понынѣ чудеса творятъ.

1898.

III.

АГАНАТИСЪ.

Финикійскій разсказъ.

Женская звѣзда—планета Истаръ: она такова на закатѣ. Мужская звѣзда—планета Истаръ: она такова при восходѣ.

Изъ текстовъ въ библіотекѣ Ассурбанипала.

АСТАРТА СИДОНСКАЯ.

Небесная дѣвственница,
Богиня Астарта,
Въ торжествѣ невинности ты стоишь предо мной.
Длинная лѣстница,
Освѣщенная ярко,
А за дверью во храмѣ смутный сумракъ ночной.

Я знаю, божественная, —
Ты отблескъ Ашеры,
Богини похоти и страстныхъ ночей.
Теперь ты дѣвственна!
Насладившись безъ мѣры,
Ты сіяешь въ вѣнцѣ непорочныхъ лучей.

Утомленная условностями,
Вчера, о Астарта,
Прокляла я съ восторгомъ твой возвышенный зовъ.
Я искала грѣховности,
Ласкъ леопарда,
Безсилья и дрожи безконечныхъ часовъ.

Но сегодня, о дѣвственница,
Тебѣ, не Ашерѣ,
Приношу на алтарь и мечты и цвѣты.
Освѣщенная лѣстница,
И за сумракомъ двери
Возвращенье къ невинности... да! я—какъ ты.

I.

Ей имя Аганàтисъ, и она
Прекраснѣй всѣхъ въ Сидонѣ. Въ темномъ взорѣ
Сверканье звѣздъ ночныхъ, а грудь блѣдна.

Въ дни юности она познала горе:
Ея женихъ, къ сидонскимъ берегамъ
Не возвратясь, погибъ безвѣстно въ морѣ.

И, дѣвственность принесши въ даръ богамъ,
Она съ тѣхъ поръ жила какъ жрица страсти,
А плату за любовь несла во храмъ.

Едва надъ далью подымались снасти,
Она спѣшила на-берегъ, ждала,
Встрѣчала моряковъ игрой запястій,

И, обольщеннаго, къ себѣ вела,
Въ свой тѣсный домъ, на башенку похожій,
Гдѣ въ нижней комнатѣ царила мгла

И подымалось каменное ложе.
Никто не забывалъ ея ночей!
Изъ всѣхъ гетеръ платили ей дороже, —

Но каждый день входили гости къ ней.
И отъ объятій въ вихрѣ наслажденья,
Отъ тѣлъ сплетенныхъ, словно пара змѣй,

Означилось на камнѣ углубленье.

II.

Когда бы магъ, искусный въ звѣздочтеньи,
Составилъ лѣтопись судебъ твоихъ,
Ее прочелъ бы онъ въ недоумѣньи.

Такъ!—не погибъ въ скитаньяхъ твой женихъ:
Въ странѣ далекой онъ томился плѣннымъ,
За годомъ годы, какъ за мигомъ мигъ.

Онъ жилъ рабомъ, отверженцемъ презрѣннымъ,
Снося обиды, отирая кровь,
Но въ сердцѣ оставался неизмѣннымъ:

Къ тебѣ хранилъ онъ прежнюю любовь,
Живя всѣ годы умиленной вѣрой,
Святой надеждой: все вернется вновь!

И не забытъ владычицей Ашерой,
Онъ, наконецъ, покинулъ горькій плѣнъ,
Бѣжалъ, былъ принятъ греческой тріерой,

И счастливо добрался въ Карѳагенъ.
Отсюда путь на родину свободный!
И онъ плыветъ и ждетъ сидонскихъ стѣнъ,

Какъ алчетъ пищи много дней голодный,
И молится: „пусть это все не сонъ!"
Но только берегъ всталъ надъ гладью водной,

Едва раздался съ мачты крикъ: „Сидонъ!"
— Иное что-то вдругъ открылось думамъ,
Своей мечты безумье понялъ онъ

И замеръ весь въ предчувствіи угрюмомъ.

III.

И жизнь и шумъ на пристани Сидона
Въ веселый часъ прихода кораблей:
И веселъ мѣрный плескъ въ водѣ зеленой.

Канатовъ скрипъ, и окрики людей,
И общій говоръ смѣшанныхъ нарѣчій...
Но горе тѣмъ, кто не нашелъ друзей,

Кто былъ обманутъ вожделѣнной встрѣчей!
Для тѣхъ гетеры собрались сюда,
Прельщаютъ взглядомъ, обнажили плечи.

Какъ жаждалъ онъ хоть блѣднаго слѣда
Былого!—Тщетно! Что̀ воспоминанья
Нетлѣнно проносили сквозь года,

Исчезло все. Смѣнились очертанья
Залива; пристань разрослась съ тѣхъ поръ,
Безвѣстныя кругомъ столпились зданья.

Нигдѣ былого не встрѣчаетъ взоръ...
Лишь моря шумъ твердитъ родные звуки,
Да есть родное въ высяхъ дальнихъ горъ.

— Пятнадцать лѣтъ! пятнадцать лѣтъ разлуки!
Искать друзей иль убѣжать назадъ?
Но вдругъ до плечъ его коснулись руки.

Онъ смотритъ: золото, браслетовъ рядъ,
И жгучій взоръ подъ бровью слишкомъ черной.
„Морякъ, пойдемъ! на нынче ты мой братъ!“

И за гетерой онъ идетъ покорный.

IV.

Не начато вино въ большихъ амфорахъ,
Онъ съ ней не рядомъ (то недобрый знакъ),
И мало радости въ упорныхъ взорахъ.

Глядитъ онъ молча за окно, во мракъ;
Ея вопросы гаснутъ безъ отвѣта;
Онъ страшенъ ей, задумчивый морякъ.

Но сознаетъ она всю власть обѣта.
Рукой привычной скинутъ плащъ. Спѣши!
Она зоветъ тебя полураздѣтой.

Но онъ,—томимъ до глубины души,—
Садится къ ней на каменное ложе,
И вотъ они бесѣдуютъ въ тиши.

— Зачѣмъ меня ты позвала?—„Прохожій,
Ты такъ хорошъ.“—Ты здѣшняя?—„О, да!“
— Что дѣлала ты прежде?—„Да все то же.“

— Нѣтъ, прежде! Ты была вѣдь молода,
Быть можетъ, ты любила...—„Я не сказки
Разсказывать звала тебя сюда!“

И вдругъ, вскочивъ, она спѣшитъ къ развязкѣ,
Зоветъ его. Но, до конца скорбя,
Не внемлетъ онъ соблазнамъ словъ и ласкѣ.

О, если бы припасть къ устамъ, любя!
И, взоръ поднявъ, онъ задаетъ подругѣ
Еще вопросъ:—А какъ зовутъ тебя?

— „Я—Аганатисъ.“—Прянулъ онъ въ испугѣ.

V.

О, велика богиня всѣхъ богинь,
Астарта свѣтлая!—ты царствуешь всевластно
Надъ моремъ, надъ землей, надъ сномъ пустынь.

Ты видишь все, все предъ тобою ясно;
Твое желанье—всѣмъ мірамъ завѣтъ;
Дрожатъ и боги—предъ тобой, прекрасной!

Когда свершилась эта встрѣча, свѣтъ
Твоей звѣзды затмился на мгновенье...
Но благости твоей предѣла нѣтъ.

Рѣшила ты,—исполнено рѣшенье.
И въ тотъ же мигъ разсѣялись года,
Какъ смутный сонъ исчезли поколѣнья,

Возстали вновь изъ праха города,
Вернулись къ солнцу спавшіе въ могилѣ,
Все стало вновь какъ прежде, какъ тогда.

Всѣ о недавнемъ, какъ о снѣ, забыли.
И Аганатисъ, и ея женихъ
Опять въ лѣсу за городомъ бродили.

И длинный споръ, какъ прежде, шелъ у нихъ:
До свадьбы онъ хотѣлъ пуститься въ море,
Искать богатства въ городахъ чужихъ,

А ей была разлука эта—горе.
„Не уѣзжай! на что богатство намъ!“
И, этотъ разъ, онъ уступилъ ей въ спорѣ.

И въ день, когда, отдавшись парусамъ,
Его корабль ушелъ по глади синей,
Они торжественно пошли во храмъ —

Свои обѣты повторить богинѣ.

1897—1898.

IV.

ЦАРЮ СѢВЕРНАГО ПОЛЮСА.

Вступленія.

1.

Много было пѣсенъ сложено
О твоей странѣ безслѣдной.
Что̀ возможно, невозможно, —
Было все мечтой извѣдано.

Къ этой грани недоступной
Шли безумные, отважные,
Но ихъ замыслы преступные
Погасали въ безднѣ влажной.

Эти страны неизвѣстныя
Открывали дали сказкамъ...
Тѣмъ, кому въ предѣлахъ тѣсно,
Эти сказки были ласками.

2.

Если былъ побѣдитель, тебя развѣнчавшій, о, Полюсъ,
Имя его отошло въ тихую тайну вѣковъ.

Люди нашихъ дней не побѣды ищутъ, а славы;
Сладокъ имъ не вѣнецъ,—рукоплесканья вѣнцу.
О, великая сладость—узнавъ, утаить отъ вселенной!
Мнѣ довольно знать,—что̀ я свершилъ,—одному.

I.

Свенъ Краснозубый врагамъ улыбался, бурь не боялся,
Викингъ великій, кликнулъ онъ кличъ по Норвегіи.

Собрались бойцы могучіе:
Эрикъ, вскормленный тучами,
Анундъ, прославленный скальдами,
Гормъ съ сыновьями, съ двумя Освальдами,
Съ ними со всѣми сорокъ дружинниковъ.
Не долго бойцы собирались,
На корабль садились,—смѣялись.
Навсегда съ друзьями прощались.
Жена поплачетъ—утѣшится,
Другъ погруститъ—другого найдетъ,
Старуха-мать все равно умретъ.
Плыть все вдаль—
Не печаль.
Гдѣ волна,
Тамъ весна.
Есть топоръ,—
Будетъ споръ!
Бой въ рукѣ держу!
Если-жъ скальда нѣтъ,
Пѣснь и самъ сложу
Въ честь побѣдъ!

II.

Скрылся въ налетѣ тумана Скрелинговъ островъ, земля;
Дрожью святой Океана зыблется дрожь корабля.

Море, и небо, и море—къ Сѣверу путь безъ границъ;
Дико звучатъ на просторѣ крики чудовищныхъ птицъ.
Медленно ходятъ по волѣ первые дерзкіе льды.—
Викингамъ любо раздолье, дали холодной воды.

Любитъ безвѣстности Эрикъ, далью захваченъ варягъ.
(Гдѣ-нибудь выглянетъ берегъ, гдѣ-нибудь встрѣтится врагъ!)
Знаетъ онъ всѣ побережья, всюду рубиться былъ радъ:
Съ Русью ходилъ въ Обонежье, плавалъ по рѣкамъ въ Царьградъ,
Грабилъ соборы Севильи, видѣлъ останки Аѳинъ...
Парусъ, развейся, какъ крылья! челнъ, полети, какъ дельфинъ!

Анундъ, скиталецъ угрюмый, смотритъ на зыби зыбей.
Вольно ширяется дума въ волнахъ какъ птица морей.
Истинный викингъ ни ночи въ хижинѣ дымной не спитъ,
Истинный викингъ не хочетъ на-ночь повѣсить свой щитъ;
Пѣнистый рогъ не веселье пить среди женщинъ и дѣвъ;
Въ челнахъ—всегда новоселье, въ волнахъ—не молкнетъ напѣвъ.

Гормъ распахнулъ свою шубу, вновь онъ доволенъ судьбой:
Скоро заслышитъ онъ трубы, трубы, зовущія въ бой.
Выйдетъ старикъ, какъ берсеркеръ, душу потѣшитъ въ бою...
Дуй, куда вздумаешь, вѣтеръ! мчи, куда хочешь, ладью!
Съ кѣмъ бы ни бой, что за дѣло! Гормъ жаждетъ биться сплеча!
Страшно въ жилищѣ у Гелы, жданная смерть—отъ меча.

Къ Сѣверу взоромъ прикованъ, Свенъ не уйдетъ отъ руля.
Зовомъ мечты зачарованъ, правитъ онъ бѣгъ корабля.
Скоро во мракѣ засвѣтитъ полночи чара—Звѣзда;
Свенъ, весь дрожа, ей отвѣтитъ, вѣренъ онъ ей навсегда.
Товарищамъ лучшая доля—битвы и крики враговъ,
Но властная воля стремитъ ихъ въ области ночи и льдовъ.

Затмился налетомъ тумана Скрелинговъ островъ, земля;
Дрожью святой Океана зыблется дрожь корабля.

III.

Пышны сѣверныя зимы, шестимѣсячныя ночи!
Льды застыли, недвижимы, въ бахромѣ изъ снѣжныхъ клочій.
Волны дерзкія не встанутъ, гребни ихъ въ снѣгу затихли,
Ураганъ морской, обманутъ, обо льды стучится въ вихрѣ.
Чаще царствуетъ молчанье, сонъ въ торжественной пустынѣ;
Міръ безъ грезъ, безъ содроганья, въ полутьмѣ нѣмѣетъ, стынетъ.

Совершая путь урочный, кругъ вокругъ Царицы Ночи,
Звѣздъ дѣвичникъ непорочный водитъ пламенныя очи.
Имъ во льдахъ зеркальныхъ снятся—двойники, земныя сестры,
На снѣгахъ онѣ дробятся, словно лучъ цвѣтной и пестрый.
Ослѣпляя блескомъ горы, между нихъ въ потокѣ звѣздномъ,
Вдругъ спадаютъ метеоры, торопясь отъ бездны къ безднамъ.

Часто, звѣздный блескъ смиряя, разстилаясь будто знамя,
Въ небѣ съ края и до края пламя движется столбами.
Нѣтъ имъ грани, очертанья: въ смѣнѣ рдяныхъ освѣщеній
Царь полярнаго сіянья гонитъ сумрачныя тѣни,
Создаетъ деревья, травы, высылаетъ птицъ чудесныхъ,—
Самъ смѣется на забавы,—царь въ безвѣстностяхъ небесныхъ.

А когда застонетъ буря, снѣгъ подымется, какъ тучи;
Брови бѣлыя нахмуря, Одинъ ринется могучій.
Дѣвъ валькирій вереницы заторопятъ черныхъ коней,
Будутъ крики безъ границы, будетъ стукъ мечей о брони,
Будетъ скачка, пляска, бубны, будетъ бой въ безумномъ воѣ...
Изъ могилъ на голосъ трубный встанутъ древніе герои.

Пышны сѣверныя зимы, хороши морозомъ жгучимъ!
Дни проходятъ, словно дымы, дни подобны снѣжнымъ тучамъ.
Поспѣшай на быстрыхъ лыжахъ, взоръ вперяя въ слѣдъ оленій,
Жди моржей косматo-рыжихъ, бей раскидистыхъ тюленей,
Встрѣть увѣренной острогой хмурыхъ медленныхъ медвѣдей,—
Смѣйся, смѣйся надъ тревогой, въ пѣсняхъ думай о побѣдѣ!
Пышны сѣверныя зимы, образъ будущей Валгалы!
Дни проходятъ, словно дымы, время вѣчность оковала.

IV.

Пѣсня Свена.

„Одна на полюсѣ небесномъ
Царитъ безсмѣнная звѣзда,
Манитъ къ предѣламъ неизвѣстнымъ,
Сновъ не обманетъ никогда.

„Въ круговращеньи вольно смѣломъ
Летитъ надъ нами небосводъ:
Она въ восторгѣ онѣмѣломъ
Изъ праха къ горнему влечетъ.

„Я схваченъ безпощаднымъ зовомъ,
Какъ парусъ вѣтромъ,—увлеченъ;
Женихъ невѣстѣ вѣренъ словомъ,
Съ звѣздой небесъ я обрученъ.

„Ахъ, знаю! мощь въ рукѣ все та же,
Мой взоръ пронзителенъ и смѣлъ,
Я-бъ побороться съ силой вражей
Какъ въ годы подвиговъ сумѣлъ.

„Но, вѣренъ высшему запрету,
Страстей волну я превозмогъ.
Такъ! путникъ я, идущій къ свѣту,
Я—вѣстникъ, ставшій на порогъ.

„Друзья, друзья! взметайте чаши!
Надъ снѣжной кровлей, блещетъ твердь.
Нѣтъ, не солгали клятвы наши:
Я васъ туда влеку, гдѣ смерть!“

И плыли они надъ холодной водой,
И вѣтры по снастямъ свистѣли;
Зима надвигалась грозой ледяной,
Привѣтствія ей они пѣли.

Ихъ легкіе челны томились въ плѣну,
Но, дерзкіе, въ хижинѣ дымной,
Пируя, они величали весну,
Съ метелью спѣвались ихъ гимны.

И вѣтеръ весенній вздувалъ паруса,
И кони морскіе, всѣ въ пѣнѣ,
Бросались въ пучину, зажмуривъ глаза,
За брызгами пряча колѣни.

И плыли, и пѣли, въ метели, въ грозѣ,
Морской возрастающей степью
Вождю-предводителю вѣрные всѣ,
Съ нимъ связаны клятвенной цѣпью.

И много могилъ, неоплаканныхъ тѣлъ
Корабль въ безызвѣстности бросилъ,
Но что имъ за дѣло! вѣдь парусъ ихъ цѣлъ,
Есть копья для боя, есть руки для веселъ!

V.

Пойте печальныя пѣсни,
Вѣтеръ, мѣсяцъ, туманъ!
Плачьте на Полюсѣ вѣчномъ,
Дѣти пламенныхъ странъ.
Волны идутъ издалека,
Вѣтеръ свиститъ одиноко,
Мѣсяца тусклое око
Всюду глядитъ въ Океанъ.
Пойте на Полюсѣ вѣчномъ,
О торжествѣ скоротечномъ,
Дѣти пламенныхъ странъ.

Плачьте на ранней могилѣ,
Гдѣ Эрикъ-скиталецъ зарытъ;
Мечты его дальше стремили,
На пути онъ выронилъ щитъ.

Въ скалѣ, въ причудливомъ гротѣ
Горма покоится прахъ;
Онъ погибъ на веселой охотѣ,
Умеръ съ острогой въ рукахъ.

Освальды, ободряя другъ друга,
Въ непогоду пошли за моржемъ;
И засыпала шумная вьюга
Братьевъ въ объятьяхъ вдвоемъ.

Любя бушеваніе влаги,
Любовались бойцы на шквалъ;
Утромъ сочлись варяги,—
Анунда никто не видалъ.

И погибли всѣ сорокъ, всѣ сорокъ!
Спятъ подъ водой и во льдахъ,
Но Торъ, кому храбрый дорогъ,
Ихъ приметъ въ своихъ поляхъ.

Славьте на Полюсѣ вѣчномъ
Павшихъ въ упорной борьбѣ,
Глядѣвшихъ въ лицо судьбѣ,
Погибшихъ въ молчаньи безпечномъ,

Славьте на Полюсѣ вѣчномъ,
Волны, мѣсяцъ, туманъ!
Пойте хвалебныя пѣсни,
Дѣти пламенныхъ странъ!

VI.

Тѣни ходятъ, вѣтеръ вѣетъ,
Океанъ о камни бьетъ,
И замедлить жизнь не смѣетъ
Свой развернутый полетъ.

Часть морей купая въ зноѣ,
Часть прохладамъ удѣля,
Ни на мигъ не спитъ въ покоѣ
Солнцу вѣрная земля.

Солнце, искра въ сонмахъ млечныхъ,
Увлекаетъ путь слуги.
Пики горъ остроконечныхъ
Чертятъ бѣшено круги.

Безъ предѣла, безъ начала
Этотъ бѣгъ впередъ, впередъ!
Вѣчность въ прошломъ миновала,
Вѣчность нынче настаетъ.

И только одинъ лишь утесъ недвижимо
На Сѣверъ подъемлетъ чело.
Вы, вѣтры, его обтекаете мимо,
Ты, время, встревожить его не могло.

Когда-то взглянулъ онъ восторженнымъ окомъ
На мертвую прелесть Полярной Звѣзды,
И долго смотрѣлъ, и во снѣ одинокомъ
Онъ замеръ, застылъ, оковался во льды.

Пронизанъ восторгомъ, съ тѣхъ поръ неизмѣнно
Вѣка онъ слѣдитъ за избранной Звѣздой.
Смѣется Звѣзда, какъ Царица вселенной,
И вокругъ нея сестры идутъ чередой.

Кто нарушилъ миръ завѣтный,
Тишину великихъ водъ,
И вступилъ въ пріютъ запретный,
И упалъ на вѣчный ледъ?

На снѣгахъ, въ степяхъ безплодныхъ,
Сонъ друзей его глубокъ...

Произволу волнъ свободныхъ
Предоставилъ онъ челнокъ.

Тотъ челнокъ лежитъ разбитый,
Конченъ дерзкій переѣздъ.
Словно въ храминѣ открытой,
Свенъ слѣдитъ за бѣгомъ звѣздъ.

Ихъ стремится вереница,
Но надъ ними—въ отвѣтъ мечтѣ—
Стала Сѣвера царица
Прямо, въ ясной высотѣ.

Сердце бо̀льшаго не проситъ,
Къ цѣли жизни Свенъ проникъ.
Такъ. Звѣзда сіянье броситъ
На его померкшій ликъ.

VII.

Голоса стихій.

Земля.

Я—земля, я—косность міра,
Сотворила горы, скалы,
Твердь гранита и порфира,
Грани малаго кристалла.

Я дала пріюты тучамъ,
На груди подъяла море,
Я полна огнемъ текучимъ...
Кто со мной, съ могучей, въ споръ?

Сестры, братья! славьте землю!
Славьте косность и предѣлы!
Все держу я, все объемлю,
Васъ родню, и мной вы цѣлы!

Вода.

Я—вода. Я въ вѣчной смѣнѣ.
Въ дрожи долгой не устала...
Корни тянутся растеній,
Стадо къ рѣчкѣ побѣжало.

Жизнь воды многообразна:
Пѣть ручьемъ, летать туманомъ,
Зацвѣтать въ озерахъ праздно,
Выть и биться океаномъ.

Сестры, братья! славьте воды!
Славьте жизнь и переливы!
Я—движеніе природы,
Васъ влеку,—и мной вы живы.

Огонь.

Я—огонь. Мой ликъ случаенъ,
Вольной прихоти послушенъ.
Цѣлый міръ не мной ли спаянъ?
Мною будетъ міръ разрушенъ!

Я ползу. Я дикъ и злобенъ;
Спать умѣю въ камнѣ маломъ;
Лгать, притворствовать способенъ,
Но встаю до неба жаломъ.

Сестры, братья! славьте пламя!
(—Очи блещутъ, очи красны—)
Я—надъ міромъ битвы знамя,
Васъ люблю, но мной вы властны.

Воздухъ.

Воздухъ, я незримъ, неслышенъ,
Я проникъ въ глубины скважинъ.
Но огонь не мной ли пышенъ?
Я водой дышу—и влаженъ.

Я ласкаю розы мая;
Въ бурѣ вѣю, безпощаденъ;
Землю вздохомъ обтекая,
Въ голубомъ плащѣ наряденъ.

Славьте воздухъ! сестры, братья!
Облака меня колышатъ,
Горы принялъ я въ объятья,
Всѣхъ люблю,—всѣ мною дышатъ.

Всѣ вмѣстѣ.

Если къ тайнѣ заповѣданной
Взоръ, единой думѣ преданный,
Съ дерзкой радостью проникъ,—
Не покинемъ мы безпечности:
Было то однажды въ вѣчности,
Было—лишь на бѣглый мигъ.

Но да будетъ онъ единственный!
Этотъ день, какъ сонъ таинственный,

Скроемъ мы въ святую тьму.
Мы засыпемъ гробъ невѣдомый.
Слишкомъ громкими побѣдами
Не гордиться никому!

Мы даемъ обѣтъ молчанія.
Мы задвинемъ край изгнанія
Бездной вихрей и пучинъ.
И о томъ, что тайны видѣны,
Что прошелъ ты путь неиденный,
Будешь знать лишь ты одинъ.

Земля.

Даю обѣтъ молчанія;
Отъ вѣка я молчу.

Вода.

Я знаю; только знанія
Въ мгновенной смѣнѣ мчу.

Огонь.

Я—ложь. Твержу невѣрное,
Не знаю истинъ я.

Воздухъ.

Мое движенье мѣрное—
Безмолвная струя.

VIII.

Свенъ Краснозубый, на Полюсѣ дикомъ
Ты встрѣтилъ смиряющій сонъ.
Снова кругомъ все въ молчаньи великомъ,
Ясенъ и тихъ небосклонъ.
На коняхъ свободныхъ, бурныхъ
Отъ высотъ своихъ лазурныхъ
Подъ военные напѣвы
И къ тебѣ слетѣли дѣвы.
Ты достоинъ чести бранной,
Ты—валькирій гость желанный.
На тебя изъ той страны
Благосклонно смотрятъ дѣды:
Ты погибъ не въ день войны,—
Въ день побѣды!

Встрѣтишь ты въ поляхъ Валгалы
Всѣхъ, кому былъ въ жизни любъ.
Ты войдешь, пловецъ усталый,
Подъ веселый голосъ трубъ.

Тамъ, съ семьей другихъ героевъ,
Уготованъ, ждетъ пріютъ,
Всѣ для игръ и славныхъ боевъ
Дни безгѣнные найдутъ.

Можетъ быть, гдѣ отдыхъ сладокъ,
Обрѣтетъ душа твоя
Миръ отъ тягостныхъ загадокъ
Вѣчныхъ въ безднѣ бытія.

IX.

Голосъ.

Я вамъ принесъ благую вѣсть,
Мечты былыхъ вѣковъ:
Что въ мірѣ много истинъ есть,
Какъ много думъ и словъ.

Противорѣчій сладкихъ сѣть
Связуетъ странно всѣхъ:
Равно и жить и умереть,
Равны Любовь и Грѣхъ.

Отъ дней земли стремись въ эѳиръ,
Слѣди за вѣкомъ вѣкъ:
О, какъ ничтоженъ будетъ міръ,
Какъ жалокъ человѣкъ!

Но, вздрогнувъ, какъ отъ страшныхъ сновъ,
Пойми—всѣ тайны въ насъ!
Гдѣ думы нѣтъ, тамъ нѣтъ вѣковъ,
Тамъ только свѣтъ, гдѣ глазъ.

Стихій безсильна похвальба,
То—мракъ души земной.
Къ побѣдѣ близится борьба,—
Дышу, дышу весной!

И что въ быломъ свершилось разъ,
Тому забвенья нѣтъ.
Пойми—весь міръ, всѣ тайны въ насъ,
Въ насъ Сумракъ и Разсвѣтъ.

1898—1900.

V.

ПРЕДАНІЕ О ЛУНѢ.

Баллада.

Въ старинномъ замкѣ Дженъ Вальморъ
Чуть ночь—звучатъ баллады.

К. Бальмонтъ.

Въ былые дни луна была
Скиталицей-кометой.
Съ безпечной вольностью плыла
Отъ свѣта и до свѣта.
Страна цвѣтовъ, она цвѣла,
Вся листьями одѣта.

Тамъ жили семьи, племена
Таинственныхъ растеній,
Имъ Богомъ мысль была дана
И произволъ движеній;
И шла межъ царствами война,
Безсмѣнный рядъ сраженій.

Трава глушила злобный лѣсъ,
Деревья мяли траву,
Душитель-плющъ на пальму лѣзъ,

Шли вѣтви на облаву...
И ночью предъ лицомъ небесъ
Шумѣли всѣ про славу.

И въ день завѣтный, въ мірѣ томъ
(Конечно, словомъ Божьимъ)
Возросъ цвѣтокъ—смѣшной стеблемъ,
На братьевъ непохожимъ.
И, чуждый бранямъ, жилъ онъ сномъ,
Всегда мечтой тревожимъ.

Онъ грезилъ о иномъ цвѣткѣ,
Во всемъ себѣ подобномъ,
Что̀ дремлетъ, дышитъ—вдалекѣ,
На берегу несходномъ,
И видитъ свой двойникъ въ рѣкѣ,
Съ предчувствіемъ безплоднымъ.

И въ эти дни вошла луна
Въ тотъ міръ, гдѣ солнце властно,
И пѣснь планетъ была слышна
Хвалой единогласной,
Но съ ней, какъ чуждая струна,
Сливался зовъ неясный.

Да! кто-то звалъ! да, кто-то смѣлъ
Нарушить хоръ предвѣчный!
Пѣлъ о тщетѣ великихъ дѣлъ,
О жаждѣ безконечной;
Ропталъ, что всѣмъ мечтамъ предѣлъ
Такъ близко—поясъ млечный!

Да! кто-то звалъ! да, кто-то пѣлъ
Съ томленьемъ постоянства!

И на цвѣткѣ въ отвѣтъ горѣлъ
Узоръ его убранства.
И вдругъ, нарушивъ тяжесть тѣлъ,
Онъ ринулся въ пространство.

Тянулся онъ и росъ, и росъ,
Качаясь въ темныхъ безднахъ...
Донынѣ отблескъ вольныхъ грезъ
Дрожитъ въ пучинахъ звѣздныхъ.
А братья жили шумомъ грозъ—
Забытыхъ, безполезныхъ.

И вдругъ, ему въ отвѣтъ,—вдали
Другой качнулся стебель.
Кто звалъ его,—цвѣтокъ съ земли,—
Повисъ,—въ пучинѣ ль, въ небѣ ль?
И двѣ мечты свой путь нашли:
Сплелся со стеблемъ стебель!

Восторгомъ пламеннымъ дана
Побѣда—связи тлѣнной.
Стеблемъ цвѣтка укрѣплена,
Луна осталась плѣнной.
И съ этихъ поръ до насъ—она
Нашъ спутникъ неизмѣнный.

Цвѣты истлѣли въ должный мигъ,
Въ вѣкахъ давно пройденныхъ,—
Но живъ тотъ свѣтъ, что разъ возникъ
Въ мірахъ соединенныхъ.
И озаряетъ лунный ликъ
Безумныхъ и влюбленныхъ.

1900.

VI.

ЗАМКНУТЫЕ.

Сатирическая поэма.

I.

Я годъ провелъ въ старинномъ и суровомъ,
Безвѣстномъ Городѣ. Отъ міра ограждясь,
Онъ не хотѣлъ дышать ничѣмъ живымъ и новымъ,
Почти порвавъ съ шумящимъ міромъ связь.
Онъ жилъ былымъ, своимъ воспоминаньемъ,
Перебирая въ грезахъ быль и сны,
И весь казался обветшалымъ зданьемъ,
Какимъ-то сказочнымъ преданьемъ
О дняхъ далекой старины.

Казалось мнѣ: онъ замкнутъ безнадежно.
Давила съ Сѣвера отвѣсная скала,
Купая груди въ облачномъ просторѣ,
Съ Востока грань песковъ, пустыня, стерегла,
А съ двухъ сторонъ распростиралось море,
Безлюдно, безпощадно, безнадежно.
На пристани не разъ, глаза съ тоской прилежной
Въ узоры волнъ колеблемыхъ вперивъ,
Слѣдилъ я какъ вставалъ торжественный приливъ,
Какъ облака неслись—впередъ, и мимо, мимо...

Но не было вдали ни паруса, ни дыма—
Никто не плылъ къ забытымъ берегамъ...
Лишь абрисъ острова порой мелькалъ мнѣ тамъ,
Гдѣ явственно заря, когда безъ солнца свѣтитъ,
Границу кругозора мѣтитъ,
Но гасло все въ лучахъ, мнѣ памятно едва,
Все въ благостный просторъ вбирала синева,
И снова міръ былъ замкнутъ безнадежно.

Весь Городъ былъ овѣянъ тайной лѣтъ.
Онъ былъ угрюмъ и дряхлъ, но гордъ и строенъ.
На узкихъ улицахъ дрожалъ ослабшій свѣтъ,
И каждый рѣзкій звукъ казался тамъ утроенъ.
Въ проходахъ темныхъ, полныхъ тишины,
Неслышно прятались пристанища торговли;
Углами острыми нарушивъ ходъ стѣны,
Кончали домъ краснѣющія кровли;
Виднѣлись съ улицы въ готическую дверь
Огромныя и сумрачныя сѣни,
Гдѣ вѣчно нѣжились сырыя тѣни...
И затворялся входъ, ворча какъ звѣрь.

Изъ сѣрыхъ камней выведены строго,
Являли церкви мощь свободныхъ силъ.
Въ нихъ духъ столѣтій смѣло воплотилъ
И вѣру въ геній свой, и вѣру въ Бога.
Передавался трудъ къ потомкамъ отъ отца,
Но каждый камень, взвѣшенъ и размѣренъ,
Ложился въ свой чередъ по замыслу творца,
И линій общій строй былъ строгъ и вѣренъ,
И каждый малый сводъ продуманъ до конца.
Въ стремленьи въ высь, величественно смѣломъ.
Вершилось зданіе свободнымъ остріемъ,
И было конченнымъ, и было цѣлымъ,
Спокойно замкнутымъ въ себѣ самомъ.

Въ музеяхъ запертыхъ, въ торжественномъ покоѣ,
Хранились бережно останки старины:
Одежды, утвари, оружіе былое,
Трофеи побѣдительной войны:
То кормы лодокъ дерзкихъ мореходовъ,
То кубки съ обликомъ суровыхъ лицъ,
Знамена покорявшихся народовъ
Да клювы неизвѣстныхъ птицъ.
И все въ себѣ былую жизнь таило,
Иныхъ столѣтій пламенную дрожь.
Какъ въ вѣтеръ вѣрило истлѣвшее вѣтрило!
Какъ жаждалъ мощныхъ рукъ еще сверкавшій ножъ!..
А все кругомъ пустынно-глухо было.

II.

Я въ ихъ церквахъ бывалъ, то пышныхъ, то пустынныхъ.
Въ однѣхъ все статуи, картины и рѣзьба,
Обрядъ, застывшій въ пышностяхъ старинныхъ,
Безсмысленно-пустая ворожба!
Надъ міромъ скованнымъ гудящій вопль органа,
Зовъ пастыря—какъ Божій Голосъ—строгъ,
Вѣщаетъ онъ съ Синая, изъ тумана,
Лишь „Dominus vobiscum“, „съ вами Богъ!“
Въ другихъ церквахъ восторгъ опустошенья,
На черныхъ стѣнахъ цифры, рядъ страницъ;
Молящіеся, въ чинномъ изступленьи,
Кричатъ псалмы, какъ стаи хищныхъ птицъ.
Но вопль органа вдругъ—замретъ, какъ самый камень.
Другъ другу повторивъ, что это лишь обрядъ,
Они для памяти причастіе творятъ,
И пастырь въ сюртукѣ вѣщаетъ важно: Amen.

Я залы посѣщалъ ученыхъ засѣданій
И слушалъ съ ужасомъ размѣрность ихъ рѣчей.
Казалось мнѣ: влекутъ кумиръ огромный Знаній

Покорные быки подъ щелканье бичей.
Глубокой колеей, со стономъ, визгомъ, громомъ,
Телѣга тянется,—въ вѣкахъ намѣченъ путь,—
Все было въ тѣхъ рѣчахъ безжалостно-знакомымъ,
И въ смѣнѣ скучныхъ словъ не измѣнялась суть.
Однажды ошибясь при выборѣ дороги,
Они упрямо шли, глядя на свой компасъ.
И былъ ихъ трудъ великъ, шаги ихъ были строги,
Но уводилъ ихъ прочь отъ цѣли каждый часъ!

Къ художникамъ входилъ я въ мастерскія.
О, бѣдность горькая опустошенныхъ думъ!
Искусство! вольная стихія!
Сюда не долеталъ твой вдохновенный шумъ!
Художникъ быть не можетъ не пророкомъ,
И рабство съ творчествомъ согласовать нельзя!
Кто не прошелъ пустынь въ томленьи одинокомъ,
Не знаетъ, гдѣ лежитъ святой мечты стезя!

Въ искусствѣ важенъ искусъ строгій,
Прерви души мертвящій плѣнъ
И выйди пламенной дорогой
Къ потоку вѣчныхъ перемѣнъ.

Твоя душа—то ключъ бездонный.
Не замыкай истомныхъ устъ.
Едва ты встанешь, утоленный,
Какъ станетъ міръ—и сухъ и пустъ.

Такъ! сдѣлай жизнь единой дрожью,
Люби и муки до конца,
Упейся истиной и ложью,—
Во имя кисти и рѣзца!

Не будь окованъ и любовью,
Бросайся въ пропасти грѣха,
Пятнай себя священной кровью, —
Во имя лиры и стиха!

Искусство жаждетъ самовластья
И души черпаетъ до дна.
Едва душа вздохнетъ о счастьи, —
Она уже отрѣшена!

III.

А жизнь кругомъ лилась, какъ степью льются воды.
Какъ въ зеркалѣ, днемъ повторялся день,
Съ покорностью свой кругъ кончали годы,
Съ покорностью заря встрѣчала тѣнь.
Случалось въ праздникъ мнѣ, на площадь выйдя рано,
Зайти въ соборъ съ толпой нарядныхъ дѣвъ.
Онѣ молились тамъ умильно, и органа
Я слушалъ въ ихъ кругу заученный напѣвъ.

Случалось вечеромъ, взглянувъ за занавѣски,
Всецѣло выхватить изъ мирной жизни мигъ:
Тамъ дремлютъ старики, тамъ звонокъ голосъ дѣтскій,
Тамъ въ уголкѣ—невѣста и женихъ.
И только изрѣдка надъ этой сладкой прозой
Вдругъ раздавалась пѣснь ватаги рыбаковъ,
Идущихъ улицей, да грохоталъ угрозой
Далекій смѣхъ безчинныхъ кабаковъ.

За городомъ былъ паркъ, развѣсистый и старый,
Съ руиной замка въ глубинѣ.
Туда подъ вечеръ приходили пары —
„Я васъ люблю“ промолвить при лунѣ.

Въ воскресный лѣтній день весь городъ ратью чинной
Сходился тамъ—мечтать и отдохнуть.
И восхищались всѣ изъ года въ годъ руиной,
И рядъ за рядомъ совершали путь.
Имъ было сладостно въ условности давнишней,
Казались сочтены движенья ихъ.
Кругомъ покой аллей былъ радостенъ и тихъ,
Но въ этой тишинѣ я былъ чужой и лишній.
Я къ пристани бѣжалъ отъ оскорбленныхъ липъ,
Чтобъ сердце вольностью хотя на мигъ растрогать,
Гдѣ съ запахомъ воды сливалъ свой запахъ деготь,
Гдѣ мачтъ колеблемыхъ былъ звученъ скрипъ.

О, пристань! я любилъ твой неумолчный скрипъ,
Такой же, какъ въ быломъ, дошедшій изъ столѣтій,—
И на большихъ шестахъ растянутыя сѣти,
И лодки съ грузомъ серебристыхъ рыбъ.
Любилъ я моряковъ нахмуренные взоры
И твердый голосъ ихъ, иной, чѣмъ горожанъ.
Имъ душу сберегли свободные просторы,
Ихъ сохранилъ людьми безлюдный океанъ.
Тамъ было мнѣ легко. Присѣвши на боченокъ,
Я забывалъ тюрьму меня обставшихъ дней,
И облака слѣдилъ, какъ радостный ребенокъ,
И волны пѣли мнѣ все громче, все яснѣй.
И вѣтеръ съ ними пѣлъ; и чайки мнѣ кричали;
Что было вкругъ меня, все превращалось въ зовъ...
И раскрывались вновь торжественныя дали:
Пути, гдѣ граней нѣтъ, просторъ безъ береговъ!

IV.

И понялъ я, что здѣсь царилъ кумиръ единый:
Обычной внѣшности. Предъ искренностью страхъ
Торжествовалъ и въ храмѣ и въ гостиной,
Въ стихахъ и вѣрѣ, въ жестахъ и словахъ.

Жизнь, подчиненная привычкѣ и условью,
Елеемъ давности была освящена.
Никто не смѣлъ—ни скорбью, ни любовью,
Упиться, какъ виномъ пылающимъ, до дна;
Никто не подымалъ съ лица холодной маски,
И каждымъ взглядомъ лгалъ, и пряталъ каждый крикъ;
Расчетомъ и умомъ всѣ оскверняли ласки,
И берегли свой пафосъ лишь для книгъ!

Отъ этой пошлости, обдуманной, привычной,
Какъ жаждалъ, хоть на часъ, я вольно отдохнуть!
Но гдѣ въ глаза живымъ я могъ, живой, взглянуть?
Тамъ, гдѣ игорный домъ, и тамъ, гдѣ домъ публичный!
Какъ пристани во мглѣ, вы высились, дома,
И люди знали вновь, отдавшись вашей власти,
Все безпристрастіе и купли и найма,
Паденья равенство и откровенность страсти!
Кто дни и мѣсяцы (актеры и рабы!)
Твердили „строгій долгъ“ и „скорбь объ идеалѣ“,
Преобразясь въ огнѣ желаній и борьбы,
То знали ненависть, то чувственно стонали,
То гнулись подъ рукой Слѣпой Судьбы!

Когда по городу тѣни
Протянуты цѣпью желѣзной,
Ряды безмолвныхъ строеній
Оживаютъ, какъ призракъ надъ бездной.

Загораются странные свѣты,
Раскрываются двери, какъ зѣвы,
И въ окнахъ дрожатъ силуэты
Подъ музыку и напѣвы.

Раскрыты дневныя гробницы,
Выходитъ за трупомъ трупъ.
Загораются румянцемъ лица,
Кровавится блѣдность губъ.

Пышны и ярки одежды,
Въ волосахъ алмазный вѣнецъ.
А вглядись въ утомленныя вѣжды,
Ты узнаешь, что предъ тобой мертвецъ.

Но страсть, подчиненная платѣ,
Хороша въ огняхъ хрусталей;
Въ притворномъ ея ароматѣ
Дыханье желаннѣй полей.

И идутъ, идутъ въ опьяненьи
Отрѣшиться отъ жизни на часъ,
Извѣдать освобожденье
Подъ блескомъ обманныхъ глазъ, —

Чтобъ въ мірѣ, на свой непохожемъ,
Отъ свободы на мигъ изнемочь.
Тотъ міръ ничѣмъ не тревожимъ,
Пока полновластна ночь.

Но въ туманѣ улицы длинной
Забѣлѣетъ тусклый разсвѣтъ.
И вдругъ все мертво и пустынно,
Ни свѣтовъ, ни красокъ нѣтъ.

Безобразныхъ, грязныхъ строеній
Таютъ при днѣ вереницы,

И женщинъ бѣлыя тѣни,
Какъ трупы, ложатся въ гробницы.

V.

И страшная мечта меня въ тѣ дни томила:
Что, если Городъ мой—предвѣстіе вѣковъ?
Что если Пошлость—роковая сила,
И созданъ человѣкъ для рабства и оковъ?
Что если Городъ мой прообразъ, первый, малый,
Того, что нѣкогда жизнь явитъ въ полнотѣ,
Что если міръ, унылый и усталый,
Стоитъ, какъ странникъ запоздалый,
Къ трясинѣ подойдя, на роковой чертѣ?

И, какъ кошмарный сонъ, видѣньемъ безпощаднымъ,
Чудовищемъ размѣренно-громаднымъ,
Съ стекляннымъ черепомъ, покрывшимъ шаръ земной,
Грядущій Городъ-домъ являлся предо мной.
Пріютъ земныхъ племенъ, размѣченный по числамъ,
Обязанъ жизнію (машина изъ машинъ!)
Колесамъ, блокамъ, коромысламъ,
Предвидѣлъ я тебя, земли послѣдній сынъ!
Предчувствовалъ я жизнь замкнутыхъ поколѣній,
Ихъ думы, сжатыя познаньемъ, ихъ мечты,
Мечтамъ былыхъ вѣковъ подвластныя какъ тѣни,
Весь ужасъ переставшей пустоты!
Предчувствовалъ раба подавленную ярость
И торжествующихъ многообразный сонъ,
Всѣхъ нашихъ помысловъ обманутую старость,
Срокъ завершившихся временъ!
. . . . . .
. . . . . .

Но нѣтъ! Не избѣжать мучительныхъ паденій,
Погибели всѣхъ благъ, чѣмъ мы теперь горды!
Настанетъ снова бредъ и крови и сраженій,
Вновь раздѣлится міръ на вражьихъ двѣ орды.

Борьба, какъ ярый вихрь, промчится по вселенной
И въ бѣшенствѣ смететъ, какъ травы, города,
И будутъ волки выть надъ опустѣлой Сеной.
И стѣны Тоуэра исчезнутъ безъ слѣда.

Во глубинахъ души, изъ тьмы тысячелѣтій,
Возникнутъ ужасы и радость бытія,
Народы будутъ хохотать какъ дѣти,
Какъ тигры грызться, жалить какъ змѣя.

И все, что насъ гнететъ, снесетъ и свѣетъ время,
Всѣ чувства давнія, всю власть завѣтныхъ словъ,
И по землѣ взойдетъ невѣдомое племя,
И будетъ снова міръ таинственъ и новъ.

Въ руинахъ, звавшихся парламентской палатой,
Какъ будетъ радостенъ дѣтей свободныхъ крикъ,
Какъ будетъ весело дробить останки статуй
И складывать костры изъ безконечныхъ книгъ.

Освобожденіе, восторгъ великой воли,
Привѣтствую тебя и славлю изъ цѣпей!
Я—узникъ, рабъ въ тюрьмѣ, но вижу поле, поле...
О, солнце! о, просторъ! о, высота степей!

Ревель, 1900. Москва, 1901.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Отрывки незаконченныхъ поэмъ.

I.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ.

. . . . . .

Бродить въ лѣсу, рука съ рукой,
Всѣмъ любоваться: луговиной,
Откосомъ, липой вѣковой,
То дятломъ съ кр̄асной головой,
То между сучьевъ паутиной.
А сколько маленькихъ забавъ!
Кормить другъ друга земляникой,
Твердить „люблю“ значеньемъ травъ,
Шутить могильной повеликой!
И, пробираясь вдоль рѣки,
Когда отстанутъ старики,
На поворотахъ тропки дикой,
Подъ тихій шопотъ сонныхъ струй—
Поймать мгновенный поцѣлуй!

А дома, въ жизни повседневной!
Что̀ дяди вѣчный ропотъ имъ,
Что̀ старой тетки окрикъ гнѣвный!
Они всегда полны однимъ:
Безмѣрнымъ счастіемъ своимъ!
Вездѣ предлогъ для ихъ свиданій,
Все—поводы для нѣжныхъ словъ.
Они вдвоемъ, зарею ранней,
Уходятъ въ садъ—нарвать цвѣтовъ,
И предъ обѣдомъ въ кладовую

Взбѣгаютъ вмѣстѣ. За столомъ
Садятся рядомъ,—и тайкомъ
Одна нога найдетъ другую.
Когда стаканъ передаютъ,
Другъ другу пальцы пожимаютъ,
И рѣдко-рѣдко въ пять минутъ
Перешепнуться забываютъ.

. . . . . .

1897.

II.

ВЪ ПУСТЫНѢ.

1.

Не плачъ, мой сынъ,—и сердцемъ вѣрь мнѣ.
Ужель ты думаешь: Христу
Угодны только язвы терній,
Что гнѣвенъ онъ на красоту?
Не Онъ ли самъ на бракѣ въ Канѣ
Благословилъ восторгъ желаній?
Апостолъ не сказалъ ли намъ:
„Да будутъ двое—плоть едина“?
Мой сынъ, послушай. Вотъ я самъ
Живу отшельникомъ въ пустынѣ,
Но говорю тебѣ: живи
Всей жизнью, не бѣги любви,
И тѣло данное намъ Богомъ
Не проклинай... Хочу тебѣ
Я повѣсть о своей судьбѣ
Пересказать... О много, много
Съ тѣхъ давнихъ поръ умчалось лѣтъ...
Но,—вижу я,—все тотъ же свѣтъ.

2.

Родился я въ Антіохіи.
Я помню шумы городскіе,
И скокъ коней, и гулъ толпы;
Я помню площади и зданья,

Рѣшетки, статуи, столпы.
Тотъ міръ въ моемъ воспоминаньи
Спитъ, неизмѣнный, но живой.
Люблю я старческой мечтой
Бродить по улицамъ знакомымъ...
И плачетъ сердце отъ истомы.

Но, мальчикомъ въ тринадцать лѣтъ,
Я презиралъ лукавый свѣтъ;
Чуждался общества; ни разу
Не видѣлъ бѣга колесницъ:
Въ любимыхъ зрѣлищахъ столицъ
Я чуялъ знойную заразу;
Я убѣгалъ за городъ, въ лѣсъ,
И тамъ предъ вѣчностью небесъ,
Цѣлуя въ изступленьи травы,
Молился я Владыкѣ славы.
. . . . . .

1898.

III.

ДѢТИ ЭОЛА.

1.

На сѣромъ островѣ, забытомъ міромъ,
Въ порфировомъ дворцѣ живетъ Эолъ.
Эвръ съ Аквилономъ, и Борей съ Зефиромъ

Клянутъ въ пещерѣ строгій произволъ
Владыки вѣтровъ. Онъ же, многодумный,
Державу зыблетъ, и блеститъ престолъ.

Вокругъ дворца, наполненны и шумны,
Обходятъ башни, вышки, терема:
Тамъ слуги и рабыни—рой безумный.

А въ тѣхъ покояхъ, гдѣ и въ полдень тьма,
Двѣнадцать дочерей Эола дремлютъ.
Для нихъ вся жизнь безкрасочна, нѣма.

И тѣ чертоги, что̀ разсвѣту внемлютъ,
Гдѣ даже въ полночь вѣчный блескъ огней,
Двѣнадцать сыновей Царя объемлютъ.

И такъ проходятъ вереницы дней,
И жаждутъ сыновья глубокой ночи,
И дочерей томитъ игра тѣней.

Въ тѣ дни, когда мракъ или свѣтъ короче
Они встрѣчаются въ родномъ дворцѣ
(У дѣвушекъ фатой закрыты очи),

Цѣлуются другъ съ другомъ при отцѣ,
И вновь уходятъ полны странной жажды,
Съ улыбкой неподвижной на лицѣ.

Но то бываетъ круглый годъ лишь дважды!
И послѣ снова въ таинствѣ тюрьмы
О днѣ свиданья молча мыслитъ каждый.

И дѣва свѣта ждетъ, а отрокъ тьмы...

2.

Въ вечерній часъ, когда земля безмолвна,
И волны льнутъ неслышно на песокъ,
А гдѣ-то вдалекѣ проходятъ челны,

Вдругъ во дворцѣ пропѣлъ призывный рогъ,
И вѣтры двинулись въ безумной схваткѣ
Въ мечтахъ, что мигъ свободы недалекъ.

Но голосъ былъ и медленный и сладкій:
Отецъ Эолъ дѣтей сзывалъ къ себѣ,
И лица въ окнахъ глянули украдкой.

Покорныя невѣдомой судьбѣ,
Выходятъ дѣвы, закрывая лица,
Безмолвныя; за каждой по рабѣ.

И юношей вступаютъ вереницы.
Горитъ Эолъ въ смарагдовомъ вѣнцѣ,
Вокругъ него, дрожа, стоятъ царицы...

. . . . . .

3.

Дымятся факелы весеннихъ спаленъ,
Смѣняется въ игрѣ и свѣтъ и мгла,
И ростъ тѣней то длиненъ, то умаленъ.

Двѣнадцать спаленъ! полнота числа!
Три противъ трехъ и дворъ посерединѣ,
И въ каждую изъ нихъ чета вошла.

На островѣ безмолвно, какъ въ пустынѣ.
Вода, въ безсильи стихшая, мертва,
И звѣзды пронизали сумракъ синій.

Чу! слышны рѣчи, внятныя едва,
То—шопотъ неувѣренныхъ моленій,
Отказовъ уступающихъ слова.

Двѣнадцать юношей, склонивъ колѣни,
Краснѣя, молятъ... дѣтскій взоръ горитъ...
И просьба замираетъ въ сладкой лѣни.

Двѣнадцать женскихъ лицъ волнуетъ стыдъ;
Застыли руки дѣвушекъ въ истомѣ,
И темный ужасъ долгихъ лѣтъ забытъ.

Придетъ мгновенье: все погаснетъ, кромѣ
Предчувствія исполненной мечты...
И сразу тишина настала въ домѣ.

Послѣдній возгласъ: „двое: я и ты!"
—„Не надо, подождемъ!" И отзвукъ стона...
Безмолвіе темнѣе темноты...

Разсвѣтъ безмолвный брезжитъ съ небосклона.

1900.

ПРИМѢЧАНІЯ.

ОБЪЯСНЕНІЕ СОКРАЩЕНІЙ.

Вар.—варіантъ.
Грифъ 1—Альманахъ к-ва „Грифъ", I. М. 1903.
ред.—редакція.
Е. С.—„Ежемѣсячныя Сочиненія". (Ежемѣсячный журналъ, издававшійся І. І. Ясинскимъ, въ Спб., 1901—1904 г.).
Изд. 1—„Tertia Vigilia", книга новыхъ стиховъ. К-во „Скорпіонъ". М. 1900.
Изд. 2—„Пути и Перепутья", собраніе стиховъ. Томъ I. „Третья Стража" (Tertia Vigilia), изданіе 2-е. К-во „Скорпіонъ". М. 1908.
К. Р.—„Книга Раздумій". Сборникъ стихотвореній (К. Бальмонтъ, М. Дурновъ, В. Брюсовъ, И. Коневской). Спб. 1899.
Почт.—„Почтальонъ". (Ежемѣсячный журналъ, издававшійся І. І. Ясинскимъ, въ Спб., 1903 г.)
П. и П.—„Пути и Перепутья" см. выше.
рук.—рукопись.
С. Ц. 01—„Сѣверные Цвѣты", собранные к-вомъ „Скорпіонъ". (Альманахъ.) М. 1901.
U. et O.—„Urbi et Orbi". Стихи 1900—1903 г. К-во „Скорпіонъ". М. 1904.
Ю. О.—„Южное Обозрѣніе". (Ежедневная газета, издававшаяся въ Одессѣ, 1899 г.)

TERTIA VIGILIA.

1-ое изд. М. 1900. 2-ое изд. П. и П. т. I. М. 1908.

Возвращеніе.

I. **Возвращеніе.** Изд. 1; Изд. 2. Въ изд. 1 послѣ строфы 7-ой еще три:

Всѣ миги для тебя случайны,—
Восторги встрѣчъ, намеки звѣздъ,—
И ты дрожишь во храмѣ Тайны
Блаженнымъ трепетомъ невѣстъ.
Но духъ испытанный не властенъ
Не проницать до глуби даль.
Мнѣ каждый мигъ открыть и ясенъ:
Тамъ будетъ радость, тамъ печаль.
И будущаго смыслъ мнѣ вѣдомъ!
Но не боюсь вечернихъ слезъ
И смерти нисходящей слѣдомъ...
Какъ не жалѣю позднихъ розъ.
И если, страстный... и т. д.

II. —Я.—Изд. 1. Изд. 2.
III. С. Ц. I; U. et O. (изд. 1); Изд. 2.

Любимцы вѣковъ.

I. **Ассаргадонъ.** К. Р.; Изд. 1; Изд. 2.
II. **Халдейскій пастухъ.** Изд. 1; Изд. 2.

III. **Рамсесъ.** Изд. 1; Изд. 2.

IV. **Жрецъ Изиды.** Изд. 1. Первоначальная редакція стихотворенія (Изд. 1):

Ученикъ.

Я жрецъ Изиды свѣтлокудрой,
Я ученикъ во храмѣ Фта,
И мнѣ въ потомствѣ имя—Мудрый,
Затѣмъ что жизнь моя чиста.
Но на пути годичномъ въ Ѳивы
На палубѣ я солнца ждалъ.
Чуть Нилъ влачилъ свои проливы,
Тамъ гдѣ-то плакался шакалъ.
И женщина въ покровѣ бѣломъ
Пришла на пристань у кормы,
И стала въ трепетѣ несмѣломъ
Передъ порогомъ водной тьмы.
И нашъ корабль, качаясь мѣрно,
Чернѣлъ громадой передъ ней,
А я съ молитвой лицемѣрной
Укрылся въ таинствѣ тѣней.
И словно чуя, кто-то рядомъ,
Та въ бѣломъ женщина, ждала,
И иглу пронизывала взглядомъ;
Но дрогнула предъ утромъ мгла.
И было то мгновенье смутно:
Я слышалъ плескъ ночной воды,
Повѣялъ вѣтерокъ попутный,
Вдали означились сады.
Зовъ кормщика раздался явно,
Вознесся якорь съ быстротой,
И нашъ корабль, качаясь плавно
Пошелъ—отъ пристани пустой.
Я жрецъ Изиды свѣтлокудрой,
Я ученикъ во храмѣ Фта,
И мнѣ въ потомствѣ имя—Мудрый,
Затѣмъ что жизнь моя чиста.

V. **Психея.** Печ. въ первый разъ.

VI. **Цирцея.** Тоже.

VII. **Кассандра.** Изд. 1.

VIII. **Моисей** Печ. въ первый разъ.

IX. **Александръ Великій.** Изд. 1; Изд. 2.

X. **Ламія.** Изд. 1; Изд. 2.

XI. **Амалтея.** К. Р.; Изд. 1; Изд. 2. Въ К. Р. озаглавлено „Сибилла."

XII. Скиѳы. Изд 1; Изд. 2. Въ изд. 1 озаглавлено „Къ скиѳамъ", данъ эпиграфъ: „Скиѳскій рисунокъ, Московскій Историческій Музей, зала 6, № 20, и незначительные вар., среди которыхъ:

ст. 1—2: Если бъ во-время къ вамъ я прибылъ,
Вы! мои отдаленные предки!

XIII. Клеопатра. Изд. 1.
XIV. Старый викингъ. Е. С. 1903; Изд. 2.
XV. Данте. Изд. 1; Изд. 2. Въ обоихъ изд. читаются:

ст. 6: Онъ—одиночества живое воплощенье.
16: Душой мечтательной на дѣвушку похожій.

Въ рукописи—первоначальная редакція стихотворенія (изъ которой заимствованы, для настоящаго изд., поправки къ двумъ, указаннымъ выше, шестистопнымъ, стихамъ):

Безумцы и поэты нашихъ дней,
Въ согласномъ шумѣ смѣха и презрѣнья,
Встрѣчаютъ голосъ и родныхъ тѣней.
Давно плѣнилъ мое воображенье
Угрюмый образъ ускользнувшихъ лѣтъ,
Что одиночества былъ воплощенье.
То были годы—какъ безумный бредъ,
Тамъ люди принимали видъ звѣриный,
Тамъ было счастьемъ—созерцанье бѣдъ.
(То съ гвельфами боролись гибеллины!)
И въ эти годы тамъ блуждалъ и онъ
Отверженный, задумчивый, единый!
Себѣ подобныхъ лишь въ дали временъ
Онъ зналъ, а въ будущемъ могъ ждать лишь то же,
Что въ настоящемъ: безобразный сонъ.
Мечтательный, на дѣвушку похожій,
Онъ пріучался межъ убійствъ бродить,
И лишь морщины налегали строже
Ему на лобъ. Онъ всѣхъ хотѣлъ любить,
Онъ жаждалъ дать Италіи свободу,—
Но чѣмъ онъ могъ полузвѣрей смирить?
И онъ Монарха призывалъ къ народу,
Живя, въ свой вѣкъ, не въ жизни, а въ бреду.
Тебя рожденье привело ко Входу,
О, Данте! и всю жизнь ты былъ—въ Аду!

XVI. Данте въ Венеціи. Печ. въ первый разъ.
XVII. Флоренція Декамерона. Изд. 1; Изд. 2.

XVIII. Астрологъ. Изд. 1.
XIX. Баязетъ. К. Р.; Изд. 1; Изд. 2.
XX. Донъ Жуанъ. Изд. 1: Изд. 2.
XXI. Марія Стюартъ. Е. С. 1903; Изд. 1; Изд. 2.
XXII. Разоренный Кіевъ. Печ. въ первый разъ.
XXIII. О рязанскомъ князѣ. Изд. 1; Изд. 2.
XXIV. Наполеонъ. Грифъ I; U. et O. (изд. 1); Изд. 2.

У моря.

I.—VIII. Ю. О. 1899; Изд. 1; Изд. 2.
IX.—XIII, XV—XXI. Изд. 1; Изд. 2.
XIV. Изд. 1.

Въ стѣнахъ.

I—II, IV—X, XV—XVI, XVIII. Изд. 1; Изд. 2.
III, XI—XIV, XVII, XIX. Изд. 1.

Еще сказка.

I. Женщинѣ. Изд. 1; Изд. 2.
II. Любовь. Изд. 1; Изд. 2. Въ Изд. 1 эпиграфъ:

И поединокъ роковой. (Ѳ. Тютчевъ).

и вар. ст. 9:

Не будь упрямъ душою черствой.

III—IV. С. Ц. 01; Изд. 2.
V—VI. Изд. 1.
VII. Печ. въ первый разъ.
VIII. Изд. 1; Изд. 2.
IX. Изд. 2.
X. Печ. въ первый разъ.
XI. С. Ц. 01; Изд. 2.
XII. Печ. въ первый разъ.
XIII—XV. С. Ц. 01; Изд. 2. XIV, кромѣ того, U et O. (изд. 1).
XVI. Печ. въ первый разъ.
XVII. Изд. 2.
XVIII. Почт. 03.
XIX—XXII. Печат. въ первый разъ.
XXIII. U. et O. (изд. 1); Изд. 2. Въ U. et O. заглавіе: „Башня любви."

Милая правда.

I—III, V, VII—VIII. Печ. въ первый разъ.
IV, VI. Изд. 1; Изд. 2.

Близкимъ.

I. Къ портрету Лейбница. К. Р.; Изд. 2.
II. Къ портрету Лермонтова. III. На смерть И. Лялечкина. Изд. 2.
IV. Къ портрету К. Д. Бальмонта. Изд. 1; Изд. 2.
V. К. Д. Бальмонту. VI. Ю. Балтрушайтису. Печ. въ первый разъ.
VII. „Призраки". Изд. 1.
VIII. Г. Г. Бахману. Печ. въ первый разъ.
IX—XIII. Изд. 1; Изд. 2.
XIV. Изд. 2.

Книжка для дѣтей.

I. Зеленый червячокъ. Изд. 1; Изд. 2.
II. Красная шапочка. Изд. 1.
III—VIII. Изд. 1; Изд. 2.
IX. Демоны Пыли. К. Р.; Изд. 2.
X. Коляда. Печ. въ первый разъ.
XI—XIII. Изд. 1; Изд. 2.

Изъ дневника.

I. Глаза. К. Р.; Изд. 2.
II. Къ Большой Медвѣдицѣ. Изд. 1; Изд. 2.
III. Изд. 1.
IV. Печ. въ первый разъ.
V. Вила. VI. Звѣзда морей. Изд. 1.
VII. Къ металламъ. Изд. 1; Изд. 2.
VIII—X. Печ. въ первый разъ.
XI. Пѣсня. Изд. 1; Изд. 2.
XII. Папоротникъ. Изд. 1. Въ рук. первоначальная ред. этого стихотворенія:

Папоротникъ.

Предвечерній часъ объемлетъ
Оживающій орѣшникъ.
Чутко папоротникъ внемлетъ.
Гдѣ-то крикнулъ пересмѣшникъ.

Властенъ ты, потокъ зеленый!
Не иду по бездорожью,
Передъ зеленью точеной
Я исполненъ тайной дрожью.
Въ этихъ листьяхъ слишкомъ внѣшнихъ,
Загубившихъ властно травы,
Что-то есть міровъ нездѣшнихъ,
Запахъ тягостной отравы.
Можетъ быть мой предокъ дикій
Жилъ въ лѣсахъ и нагъ и бѣденъ,
Этотъ ужасъ многоликій
Безразуменъ и наслѣденъ.
Всѣхъ законовъ неизбѣжнѣй
Ощущать вѣка былые,
Всѣ мы полны жизнью прежней
Всѣ живемъ мы не впервые.
Не войду въ потокъ зеленый,
Давній страхъ меня объемлетъ...
Предо мной листвой точеной
Тихо папоротникъ дремлетъ.

XIII. Печ. въ первый разъ.

Прозрѣнія.

I. Въ неконченномъ зданіи. II. Въ дни запустѣній. III. Брань народовъ. Изд. 1; Изд. 2.

IV. Братьямъ соблазненнымъ. Изд. 1. Изд. 2. Въ изд. 1 послѣ 3 строфы еще одна:

Горе, кто прельстился красками,
Кто увѣровалъ въ слова!
Сонъ его, повитый ласками,
Сонъ стыда, не торжества.

V. Печ. въ первый разъ.
VI. Изд. 1; Изд. 2.
VII. Изд. 1. Ред. стихотворенія по Изд. 1:

Проблескъ.

Былъ вѣкъ, когда, подъ знаменемъ Креста,
На Западѣ сбирались ополченья,
И папской власти высилась мечта
И цѣпи міровой ковала звенья.

Тогда Востокомъ правила гроза:
Шли полчища и турокъ и Батыя,
Бѣжала Русь за рѣки и лѣса,
Въ неравной брани никла Византія.
И много провлеклось безумныхъ лѣтъ,
Смутилось рыцарство подъ громъ орудій,
Отважнымъ взорамъ вскрылся Новый Свѣтъ,
Надъ Богомъ вдоволь насмѣялись люди.
Свершились чудеса недавнихъ дней,
Для трезвой мысли тѣмъ чуднѣй, чѣмъ ближе:
И франкъ въ Москвѣ-рѣкѣ поилъ коней,
И русскій станъ раскинулся въ Парижѣ.
За дикимъ сномъ мятущихся вѣковъ,
За яркой смѣной дерзостныхъ событій,
Яснѣетъ иногда канва основъ,
Тѣ бѣлыя, натянутыя нити.
Отъ вѣчности намѣченный узоръ
Тогда горитъ предъ изступленнымъ взглядомъ...
Такъ осѣнивъ морей и рѣкъ просторъ,
Славянскій стягъ зарѣетъ надъ Царьградомъ.

VIII. Изд. 1; Изд. 2.

Мы.

I—II. Изд. 1; Изд. 2.
III—IV. Печ. въ первый разъ.
V. Изд. 1.
VI. Изд. 1; Изд. 2.
VII. Духи земли. К. Р.; Изд. 2. Въ К. Р. вар. отъ ст. 19 до конца:

Намъ близки грозы—
Небесныя слезы.
Внемлемъ мы полуночамъ,
А съ вѣтромъ хохочемъ,
Поемъ мы съ моремъ,
Ласкаемся къ зорямъ,
Не ищемъ снѣга,
Но и въ немъ есть нѣга.
Мы—текучія воды
На просторѣ природы.

VIII. Изд. 1; Изд. 2.
IX. Печ. въ первый разъ.
X—XIII. Изд. 1.

Лирическія поэмы.

I. **Краски.** Печ. въ первый разъ.

II. **Сказаніе о разбойникѣ.** Изд. 1; Изд. 2.

III. **Аганатисъ.** Изд. 1; Изд. 2. Въ изданіи 2 — безъ вступленія „Астарта Сидонская". Въ Изд. 1 важнѣйшіе вар.:

Глава I, стихи 1—3:

Аганатисъ—такъ имя ей. Она
Прекраснѣй всѣхъ считалась. Въ темномъ взорѣ
Дышала власть, а грудь была блѣдна.

Глава IV, стихи 20—25:

Зоветъ его. Но аромата ризъ
Не слышитъ онъ, ни страстныхъ словъ, ни ласки.
Она смолкаетъ, взоръ потупя внизъ:
И вновь вопросъ онъ задаетъ подругѣ;
— А какъ зовутъ тебя?—„Аганатисъ".
И вздрогнулъ онъ, отпрянувши въ испугѣ.

Глава V, стихи 5—8:

Истаръ! Танисъ! Мелитта! Астороѳъ!
Ты выше всѣхъ! всѣхъ лучше! ты—прекрасна!
Ты видѣла ту встрѣчу, и твой свѣтъ,
Твой свѣтъ звѣзды—померкъ онъ на мгновенье...

Въ рук. первоначальная ред. поэмы, значительно отличающаяся отъ позднѣйшей. Такъ, напр., главы II и III были первоначально соединены въ одну:

2.

И жизнь и шумъ на пристани Сидона
Въ веселый часъ прихода кораблей:
И веселъ мѣрный плескъ въ водѣ зеленой,
И скрипъ снастей, и окрики людей,
И общій говоръ смѣшанныхъ нарѣчій!
Веселый часъ свиданья для друзей!
На берегу восторженныя встрѣчи,
Объятья, слезы,—дѣти и семья;
А вотъ гетеръ плѣнительныя плечи...
Но онъ—одинъ. Родимая земля
Его не узнаетъ. Въ толпѣ, угрюмый,
Идетъ онъ, молча, горечь затая.
Пятнадцать лѣтъ назадъ (о, эти думы!)
Сидонъ покинувъ, онъ попался въ плѣнъ,
Былъ увезенъ своимъ владѣльцемъ въ Кумы,
Тамъ долго жилъ, бѣжалъ, и въ Карѳагенъ
Добрался послѣ бѣдствій и скитаній.
Онъ плылъ оттуда. Онъ сидонскихъ стѣнъ
Ждалъ, какъ свободы. Тамъ воспоминаній
Была святыня, тамъ была любовь,
И цѣлый міръ несбывшихся мечтаній.

И вотъ въ родной толпѣ бредетъ онъ вновь,—
Всѣмъ чуждый, лишній, подавляя муки
(Да! тамъ, въ душѣ, течетъ по каплѣ кровь!)
Пятнадцать лѣтъ! пятнадцать лѣтъ разлуки!
Искать друзей, иль убѣжать назадъ?
И вдругъ легли ему на плечи руки.
Онъ обернулся, смотритъ: кольца, рядъ
Браслетовъ, взоръ, подъ бровью слишкомъ черной.
„Морякъ, пойдемъ! на нынче ты мой—братъ!"
И за гетерой онъ идетъ покорный.

IV. Царю Сѣвернаго Полюса. Изд. 1; Изд. 2. Глава I написана въ сентябрѣ 1898 г.; главы II и III и Вступленія въ 1899 г.; закончена поэма въ маѣ 1900 г. Въ Изд. 1 вар. незначительные. Въ рук. значительное число выпущенныхъ въ окончательной обработкѣ строфъ. Важнѣйшія изъ нихъ:

Къ главѣ IV.

А сколько радости и нѣги
Въ бѣгущихъ медленно часахъ!
Слѣдовъ доискиваться въ снѣгѣ,
Взметать на лыжахъ бѣлый прахъ;
Найти медвѣжій путь, тропинку,
Сидѣть у проруби весь день,
Пока въ водѣ разрѣжетъ льдинку
Тяжелой головой тюлень;
Владѣя радостной тревогой,
Готовый жить и умереть,
Встрѣчать увѣренной острогой
Когда подымется медвѣдь;
И пировать подъ крышей снѣжной,
И охранять подъ снѣгомъ челнъ,
И ждать, что Океанъ безбрежный
Опять раскинетъ гребни волнъ,
Качнетъ громадой безысходной,
Для викинга и для гребца
Опять раскроетъ путь свободный—
Туда, на Сѣверъ, до конца!

Къ главѣ VI.

Пойте на полюсѣ вѣчномъ
Скитальцы изъ пламенныхъ странъ.
— „Собирайтесь, вѣдьмы, дѣвки,
Шалый радостный народъ!

Нынче день великой спѣвки—
Мимо Брокена—впередъ!
Славно справимъ новоселье,
Всѣхъ насъ звалъ Ночной Козелъ.
День всемірнаго веселья,
Всякихъ хохотовъ пришелъ.
Давай другъ другу руки,
Смѣлѣй, живѣй, вольнѣй!
Подъ нами свѣтъ и звуки,
За нами сонмъ тѣней.
Межъ звѣздами и моремъ
Дрожимъ, спѣшимъ, летимъ,
И съ жаднымъ вѣтромъ споримъ
И таемъ мы, какъ дымъ."
Всѣ несутся и смѣются,
Океанъ имъ не широкъ,
О граниты воды бьются,
Суша мчится на Востокъ.
Долетитъ дыханье спящихъ:
Ихъ тревоженъ жалкій сонъ,
Но не слышатъ бурь, крутящихъ
Съ дикимъ стономъ небосклонъ.
Маговъ робкіе предтечи
Пали ницъ въ своихъ кругахъ,
Пляшутъ пламенныя свѣчи,
Какъ туманъ клубится прахъ.
Всѣ монахи, кинувъ кельи,
Обвили святой алтарь...
— Пойте! справимъ новоселье,
Пляски день и день веселья!
— Міръ крутится, какъ кубарь.

Къ главѣ VII.

Но время настало, и люди пришли,
Проникли во всѣ предѣлы земли,
И стала земля ихъ предѣломъ.
И тотъ, кто на Полюсѣ знамя воздвигъ,
Побѣдой гордился одинъ лишь мигъ:
Онъ былъ и послѣднимъ смѣлымъ.

V. Преданіе о Лунѣ. Изд. 1; Изд. 2.

VI. Замкнутые. С. Ц. 01 (отрывки); U. et O. (изд. 1); Изд. 2. Въ С. Ц. первоначальная ред., въ которой важнѣйшіе вар.:

(Начало отрывковъ).

Мы жили въ городѣ, замкнутомъ безнадежно.
Давила съ Сѣвера отвѣсная скала,
Купая груди въ облачномъ просторѣ;
Съ Востока жизнь песковъ, пустыня насъ ждала,
И съ двухъ сторонъ распростиралось море.
Мы жили въ городѣ, замкнутомъ безнадежно.
И мы на берегъ шли, и тамъ, съ тоской прилежной,
Въ узоры волнъ, безмолвный взоръ вперивъ,
Слѣдили мы, какъ росъ торжественный приливъ,
Высматривали мы, какъ царство водъ безбрежно.
Намъ иногда мечтались острова
(Въ тотъ часъ, когда заря еще безъ солнца свѣтитъ
И явственной чертой границу дали мѣтитъ).
Но гасло все въ лучахъ, намъ памятно едва,
Все въ благостный просторъ вбирала синева.
Мы въ старый городъ шли. Онъ былъ угрюмъ и строенъ,
Обвѣянъ былью отошедшихъ лѣтъ...

И т. д.

Изъ главы V.

Нельзя намъ не мечтать о будущихъ вѣкахъ,
О городахъ, грядущихъ безъ исхода.
Тѣ камни тяжкіе—ихъ первый шагъ,
Свѣтъ электрическій—предвѣстникъ ихъ прихода.
Громадный городъ-домъ, размѣченный по числамъ...

И т. д.

Приложеніе.

I. Первая любовь. Печ. въ первый разъ.
II. Въ пустынѣ. Печ. въ первый разъ. Въ рук. вар. ст. 8—11:

„Да будутъ двое въ плоть едину"?
Послушай, я тебѣ, какъ сыну,
Свое былое передамъ.
Родился я въ Антіохіи...

И т. д.

Другіе отрывки изъ рук.:

Отецъ мой былъ купецъ богатый,
И сохранялъ завѣтъ отцовъ.
Нашъ домъ былъ полонъ разныхъ статуй—
Нагихъ красавицъ и боговъ.

Но рабъ-старикъ, фригіецъ Павелъ
(Въ его рукахъ я съ дѣтства росъ)
Ребенка истинѣ наставилъ,
И Ты открылся мнѣ, Христосъ!
И рано стало мнѣ постыло
Все, что въ семьѣ цѣнимо было:
Софисты, бѣги колесницъ
И плавные стихи Гомера.
Въ меня вошла, какъ пламя, вѣра,
Я жаждалъ повергаться ницъ.
Я былъ крещенъ, и началъ ночью
Бывать въ собраньяхъ христіанъ.
Мнѣ тамъ казалось: я воочью
Зрю облики изъ горнихъ странъ.
Какъ взмахи серафимскихъ крылій,
Мнѣ видѣлись эпатрахили,
А хоръ изъ юношей и дѣвъ
Звучалъ, какъ ангельскій напѣвъ.
И я пустынѣ сердце предалъ,
И одиночество до дна,
До страшныхъ тайнъ его извѣдалъ.
Въ немъ есть восторгъ и глубина,
Мучительны его соблазны,
Въ нихъ тысячи томящихъ жалъ;
Они, какъ сны, разнообразны,
Я ихъ любилъ, я ихъ искалъ...

Къ этой же поэмѣ относится въ рук. отрывокъ, написанный другимъ размѣромъ:

Мои уста отъ юныхъ лѣтъ донынѣ
Не осквернялись ложью. Ты, мой сынъ,
Ты недовѣріемъ обидѣлъ старца...
Когда палящій Сиріусъ начнетъ всходить
Надъ тѣмъ холмомъ,—исполнится два года,
Какъ ты ко мнѣ пришелъ, влекомъ желаньемъ
Пустынножительствовать... До тебя же
Я сорокъ лѣтъ скрывался въ сей пустынѣ,
Однажды лишь ее покинувъ, видѣлъ
И ликъ людей, и домы, слышалъ голосъ
И самъ бесѣдовалъ.—Но много лѣтъ
Я зрѣлъ лишь скалы, слышалъ лишь шакаловъ,
Лишь для молитвы отверзалъ уста
И женскихъ глазъ не видѣлъ...

III. Дѣти Эола. Печ. въ первый разъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стихотворенія, отмѣченныя одной звѣздочкой, не были включены въ собраніе „Пути и Перепутья";—отмѣченныя двумя звѣздочками, появляются въ печати въ первый разъ.

Стр.

Предисловіе ко II-му тому VII

TERTIA VIGILIA.

Возвращеніе.

I. Возвращеніе 5
II. Я 7
III. Ребенкомъ я, не зная страху 8

Любимцы вѣковъ.

I. Ассаргадонъ 11
II. Халдейскій пастухъ. 12
III. Рамсесъ 13
* IV. Жрецъ Изиды. 15
** V. Психея. 17
** VI. Цирцея 18
VII. Кассандра 19
** VIII. Моисей 20
IX. Александръ Великій 21
X. Ламія 23
XI. Амалтея 25
XII. Скивы. 27
* XIII. Клеопатра 29
XIV. Старый викингъ. 30
XV. Данте 31
** XVI. Данте въ Венеціи 33

стр.

XVII. Флоренція Декамерона 35
XVIII. Астралогъ 36
XIX. Баязетъ 37
XX. Донъ-Жуанъ 38
XXI. Марія Стюартъ 39
XXII. Разоренный Кіевъ 40
XXIII. О послѣднемъ Рязанскомъ князѣ 41
XXIV. Наполеонъ 43

У моря.

I. Волны взбѣгаютъ и пѣнятся 47
II. Звѣзда затеплилась стыдливо 48
III. У перекрестка двухъ дорогъ 49
IV. Гдѣ подступаетъ къ морю садъ 50
V. День растопленъ; море сине 51
VI. Весь день былъ тусклый 52
VII. Мѣсячный свѣтъ электрическій 53
VIII. Словно птица большая 54
IX. Лежу на камнѣ солнцемъ разогрѣтомъ 55
X. Кипитъ встревоженное море 56
XI. Волны приходятъ и волны уходятъ 57
XII. Обошла тропа утесъ 58
XIII. Небо чернѣло съ огнями 59
XIV. Бѣлый цвѣтъ магнолій 60
XV. Облака цѣпляются 61
XVI. Мѣрно вьетъ дорога 62
XVII. Вѣтеръ съ моря волны гонитъ 63
XVIII. Изъ-за облака скользящій 64
XIX. Море—въ безсильномъ покоѣ 65
XX. Закатъ 66
XXI. Еще закатъ 67

Въ стѣнахъ.

I. Люблю я линій вѣрность 71
II. Я люблю большіе дома 72
III. Когда сижу одинъ и въ комнатѣ темно 73
IV. Когда опускается штора 74
V. Я провижу горныя тѣни 75
VI. Жадно тобой наслаждаюсь 76
VII. Люблю вечерній свѣтъ, и первые огни 77
VIII. Мы къ яркимъ краскамъ не привыкли 78
IX. Зодчество церквей старинныхъ 79

Стр.

X. Вы, снѣжинки, вѣйте 80
* XI. На дачѣ 81
* XII. Церкви, великія грани 82
* XIII. Облеченные въ одежды. 83
* XIV. Улицей сонной и тихой 84
XV. Мѣсяцъ серпомъ умирающимъ 85
XVI. Огни уползающихъ конокъ 86
* XVII. Я видѣлъ искры отъ кирки 87
XVIII. Словно нездѣшнія тѣни. 88
* XIX. Въ борьбѣ съ весной рѣдѣетъ зимній холодъ 89

Еще сказка.

I. Женщинѣ. 93
II. Любовь 94
III. Осенній день былъ тусклъ и скуденъ 95
IV. Я мотылекъ ночной. Послушно 96
* V. По холоднымъ знакомымъ ступенямъ 97
* VI. Давно ушелъ я въ міръ, гдѣ думы. 98
** VII. Да, эту улицу я знаю 99
VIII. Строгій, холодный и властный. 101
IX. Роскошенъ лѣсъ въ огнѣ осеннемъ 102
** X. Я помню свѣтъ невѣрно бѣлый. 103
XI. Въ моихъ словахъ безстыдство было. 104
** XII. Я помню взоръ твой, смутно длительный 105
XIII. Я узналъ безобразіе радостей 106
XIV. И снова ты, и снова ты 107
XV. Я имени тебѣ не знаю 108
** XVI. Мысль о тебѣ меня весь день ласкаетъ. 109
XVII. Часы прошли, какъ сонъ измѣнчивый 110
* XVIII. Насталъ завѣтный часъ дремотный 111
** XIX. Тоска бродячаго свѣтила 112
** XX. О, да! я—темный мотылекъ. 113
** XXI. Ты умѣешь улыбаться. 114
** XXII. Сладко скользить по окраинамъ бездны 115
XXIII. Мнѣ грустно оттого, что мы съ тобой не двое. 116

Милая правда.

** I. Первая звѣздочка. 119
** II. Въ день святой Агаты 120
** III. Я люблю 121
IV. Близкой 122
** V. Фея фонтановъ 123

Стр.

VI. И небо и сѣрое море 124
** VII. Колыбельная пѣсня. 125
** VIII. Къ твоему плечу прижаться. 126

Близкимъ.

I. Къ портрету Лейбница. 129
II. Къ портрету М. Ю. Лермонтова 130
III. На смерть И. Лялечкина 131
IV. Къ портрету К. Д. Бальмонта 132
** V. К. Д. Бальмонту 133
** VI. Юргису Балтрушайтису 135
* VII. „Призраки", картина М. Дурнова 136
** VIII. Г. Г. Бахману 137
IX. Случайной 138
X. Памяти Е. И. П. 139
XI. Ей же 140
XII. По поводу сборниковъ „Русскіе Символисты" 141
XIII. По поводу „Me eum esse" 142
XIV. Къ самому себѣ 143

Книжка для дѣтей.

I. Зеленый червячекъ 147
* II. Красная шапочка. 149
III. Дозоръ 151
IV. Рождество Христово. 153
V. Пасха, праздникамъ праздникъ 155
* VI. Въ старинномъ храмѣ 156
VII. Слѣпой 157
VIII. Мыши 158
IX. Демоны пыли 159
** X. Коляда 161
XI. Дѣвочка 163
XII. Утро 164
XIII. Предъ грозой 165

Изъ дневника.

I. Глаза 169
II. Къ Большой Медвѣдицѣ 170
* III. Величитъ душа моя Господа 171
** IV. Осенній скучный день. 172
* V. Вила 173

Стр.

* VI. Звѣзда морей 174
VII. Къ металламъ 175
** VIII. За предѣлами сказокъ 176
** IX. Я вѣрю всегдашнимъ случайностямъ 177
** X. Люблю въ осенній день несмѣлый. 178
XI. Пѣсня 179
XII. Папоротникъ 181
** XIII. Жизнь 183

Прозрѣнія.

I. Въ неконченномъ зданіи. 187
II. Въ дни запустѣній 189
III. Брань народовъ 191
IV. Братьямъ соблазненнымъ 193
** V. Каждый мигъ есть чудо и безумье. 194
VI. Устои. 195
* VII. Проблескъ. 197
VIII. Отрады. 199

Мы.

I. Мы. 203
II. Я знаю 204
** III. Люциферъ. 205
** IV. Залогъ 206
* V. Согопа 207
VI. Жернова 208
VII. Духи земли 209
VIII. Золото 211
** IX. Безмолвные свидѣтели. 213
* X. Еще „мы“ 214
* XI. Поклоняются многіе мнѣ 215
* XII. Съ неустанными молитвами 216
* XIII. Случайность и намѣренность 217

Лирическія поэмы.

** I. Краски 221
II. Сказаніе о разбойникѣ. 224
III. Аганатисъ 227
IV. Царю сѣвернаго полюса 235

Стр.
V. Преданіе о лунѣ 250
VI. Замкнутые 253

Приложеніе.

** I. Первая любовь 265
** II. Въ пустынѣ 267
** III. Дѣти Эола 269

Примѣчанія.

Tertia Vigilia 275

Издательство „Сиринъ“

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Пушкинская, 10.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ И ПЕРЕВОДОВЪ

ВАЛЕРІЯ БРЮСОВА.

Полное собраніе будетъ заключать 25 томовъ. Изданіе выпускается въ переплетахъ по спеціальному заказу издательства, печатается на бумагѣ „верже“; каждый томъ будетъ состоять изъ 16—18 печатныхъ листовъ (260—300 стр.).

СОДЕРЖАНІЕ ТОМОВЪ:

ТОМЪ 1. Портретъ автора. Предисловіе къ полному собранію сочиненій и переводовъ. Юношескія стихотворенія. (1-е изданіе). Chefs d'œuvre. (4-е изданіе, значительно дополненное). Me eum esse. (3-е изданіе, значительно дополненное). Въ этотъ томъ вошло около 90 стихотвореній, не включенныхъ въ собраніе „Пути и перепутья“. Примѣчанія и варіанты. Спб. 1913 г. Стр. 270 + XI.

ТОМЪ 2. Tertia Vigilia. (3-е изданіе, значительно дополненное). Спб. 1914.

ТОМЪ 3. Urbi et Orbi. (3-е изданіе, значительно дополненное).

ТОМЪ 4. Stephanos. Вѣнокъ. (3-е изданіе, дополненное). Всѣ Напѣвы. (2-е изданіе, дополненное).

ТОМЪ 5. Зеркало Тѣней. (2-е изд., значительно дополненное).

ТОМЪ 6. Sed non satiatus. Восьмая книга стиховъ. (1-е изд.).

ТОМЪ 7. Девятая Камена. Девятая книга стиховъ. (1-е изд.).

ТОМЪ 8. Земная Ось. Первая книга разсказовъ. (3-е изданіе, дополненное 5 разсказами).

ТОМЪ 9. Ночи и дни. Вторая книга разсказовъ. (2-е изданіе, дополненное).

ТОМЪ 10. Огненный ангелъ. Повѣсть XVI вѣка. Первая часть. (3-е изд.).
ТОМЪ 11. Огненный ангелъ. Вторая часть. (3-е изданіе).
ТОМЪ 12. Алтарь Побѣды. Повѣсть IV вѣка. Книги I—II. (1-е изданіе). Спб. 1913 г. Стр. 284 + XI.
ТОМЪ 13. Алтарь Побѣды. Повѣсть IV вѣка. Книга III—IV. (1-е изданіе). Спб. 1913 г. Стр. 356 + VI.
ТОМЪ 14. Юпитеръ поверженный. (1-е изданіе).
ТОМЪ 15. Драмы: Земля, Путникъ, Протесилай умершій и др. (1-е изд.).
ТОМЪ 16. Далекіе и близкіе. Часть I. Статьи и замѣтки о русскихъ поэтахъ отъ Тютчева до нашихъ дней. (2-е изданіе, дополненное).
ТОМЪ 17. Далекіе и близкіе. Часть II. (2-е изданіе, дополненное).
ТОМЪ 18. Звенья. Статьи теоретическія. Статьи о театрѣ. (1-е изданіе).
ТОМЪ 19. Мой Пушкинъ. Изслѣдованія и замѣтки о Пушкинѣ, біографическія, критическія и библіографическія. (1-е изданіе).
ТОМЪ 20. За моимъ окномъ. Встрѣчи, впечатлѣнія, мысли. (2-е изданіе, значительно дополненное).
ТОМЪ 21. Французскіе лирики XIX вѣка. Переводы (въ стихахъ) и характеристики. (2-е изданіе, дополненное, съ 15-ю портретами). Спб. 1914 г. Стр. 296 + XVII.
ТОМЪ 22. Поль Вэрленъ. Собраніе стиховъ въ переводѣ и критико-біографическій очеркъ. (2-е изданіе, дополненное).
ТОМЪ 23. Эмиль Верхаренъ. Критико-біографическій очеркъ. Собраніе стиховъ въ переводѣ. Елена Спартанская. Драма. (2-е изданіе, дополненное).
ТОМЪ 24. Эдгаръ По. Собраніе стиховъ въ переводѣ и критико-біографическій очеркъ. (1-е изданіе).
ТОМЪ 25. Разные переводы въ стихахъ. (1-е изданіе).

Цѣна по подпискѣ на 25 томовъ при уплатѣ впередъ стоимости всего изданія—25 руб. Допускается разсрочка платежа; при подпискѣ вносится 3 рубля и при выходѣ каждаго тома 1 р. 25 к., послѣдніе 2 тома—безплатно. Желающимъ получать съ доставкой книги высылаются налож. платежемъ, пересылка по дѣйствительной стоимости. Въ отдѣльной продажѣ цѣна каждаго тома 1 р. 75 к.

Каталогъ издательства высылается по требованію безплатно.

Подписка принимается въ конторѣ издательства „Сиринъ“, СПБ., Пушкинская, 10.

PG
3453
B7
1913a
t.2

Briusov, Valerii IAkovlevich
Polnoe sobranie sochine-
nii i perevodov

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY